

ТУРОВНИКОВ ЮРИЙ

КАК В СТАРЫХ СКАЗКАХ
ТОМ II

ЛЕГЕНДЫ
О ГЕРОЯХ И ЗЛОДЕЯХ

Как в старых сказках

Юрий Туровников

Легенды о героях и злодеях

«Издательские решения»

2015

Туровников Ю. Ю.

Легенды о героях и злодеях / Ю. Ю. Туровников —
«Издательские решения», 2015 — (Как в старых сказках)

Богаты Серединные Земли всяческими сказаниями о вампирах и призраках, полнятся они историями о колдунах-некромантах, великих магах и ведьмах. Много разных легенд передают люди из уст в уста. Что в них ложь, а что правда? Поди знай...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Как в старых сказках Том II

Легенды о героях и злодеях

Юрий Туровников

© Юрий Туровников, 2015

© Юрий Туровников, дизайн обложки, 2015

Корректор Александра Хидан

Корректор Сёма Поздеев

Благодарности

Дарья Воронина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Богаты Серединные Земли всяческими сказаниями о вампирах и призраках, полнятся они историями о колдунах-некромантах, великих магах и ведьмах. Много разных легенд передают люди из уст в уста. Что в них ложь, а что правда? Поди знай...

Эта сказка написана по мотивам песен культовых групп «Король и Шут» и «КняZz», которые уже стали легендами российского панк-рока. Итак, устраивайтесь поудобнее, мы продолжаем.

Проза – Юрий Туровников,

стихи – Андрей Князев

(использованы с одобрения автора).

Группам «Король и Шут» и «КняZz» посвящается.

Пролог

Зима выдалась на редкость холодной. Поля покрылись снегом, который доходил местами до пояса. Малышня резвилась едва ли не круглые сутки, строя ледяные крепости и играя в снежки, благо, что территория вокруг Броумена теперь освещалась электрическими лампами. Порой к ним присоединялись и взрослые, каждый седьмой день. Тут и там высились укрепления с бойницами, которые помогали возводить гвардейцы – это личный приказ короля. Иногда солдатам приходилось держать оборону против жителей города. Учения всегда проходили на ура. После, всех ждали блины и горячий отвар целебных трав. Разумеется, бесплатно, за счет казны. А те, кто не испытывал тяги к военным наукам, катались с горок на санях или носились по льду на коньках – новом изобретении артели дедушки Даниэля, который почил лет двадцать назад. Каток для любителей стальных полозьев, что крепились ремнями к валенкам, заливали тут же, чтобы дети не ходили на реку.

С тех пор, как правление государством сменилось, жизнь здесь потекла совершенно по-другому. Все любили короля Прохора Первого и молили небеса дать ему здоровья, но то ли молитвы не доходили до богов, то ли... Так или иначе, но силы покидали Правителя Серединых Земель, которому со дня на день должно исполниться сто лет. Его любимая супруга Изольда вознеслась в мир иной лет тридцать назад, родив своему мужу замечательную дочь, которая, в свою очередь, подарила отцу внучку, а та – озорного правнука, точную копию деда. Такого же шевутного и неугомонного, с копной рыжих волос и веснушчатым носом. Сейчас десятилетний балагур сидел на краешке кровати и тормозил Прохора за плечо. Тот запустил пятерню в свою седую шевелюру и натянул одеяло.

– Подбрось, внучек, в камин полешек, мерзну я. Кхе-кхе...

– Уже, деда, – ответил пацаненок. – Там места нет, забил под завязку. Сейчас потеть начнешь. Уже тепло.

Король усмехнулся.

– Тепло... Из носа потекло. Ты чего не играешь с ребятами? Чего со стариком сидишь? Так все детство пропустишь.

– Мне с тобой интереснее, – улыбнулся Ерофей. – Деда, а почему меня так назвали? Странное какое-то имя. Почему не Бенедикт какой-нибудь, там, или Леопольд?

Прохор надул щеки.

– Жил давным-давно богатырь такой и король по совместительству. Напал как-то на землю-матушку враг лютый, и восстал супротив него весь народ. И пошел Ерофей на риск. Дабы избежать кровопролития, он предложил командующему вражеской армии: давай, дескать, мы сразимся между собой, и кто победит в битве, тот, считай, и войну выиграл. Морглен, вражеский король, призадумался, поморщил лоб и согласился. На том и порешили. И вот встали две армии одна напротив другой, слева горы, справа пропасть. Выехали в центр плато два всадника: Ерофей на гнедом жеребце и Морглен на вороном. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в кроваво-красный цвет, и играло своими уходящими лучами на доспехах воинов, стоявших в напряжении. Дул легкий ветер, развевая стяги обеих армий. Гнедой ударил копытам, подняв облако пыли, вороной оскалится, показав острые, как ножи, зубы. И помчались всадники навстречу друг другу. Выхватили они мечи и сошлись в жестокой схватке. Оглушающий лязг и конское ржание летали над плато. Долго рубились богатыри, и вот Ерофей стал отступать к пропасти. Кроме того, конь Морглена словно помогал своему хозяину: он клацал своей пастью, пытаясь укусить противника, и, вставая на дыбы, норовил ударить копытом и выбить щит. И вот вражеский меч поразил коня Ерофея. Гнедой захрипел и рухнул замертво на краю пропасти, едва не придавив хозяина. Шлем слетел с головы воина, а ветер стал развеивать его волосы. «Вот и настал твой конец. Теперь твои земли станут

моими» – воскликнул Морглен и направил своего коня вперед. И вот вороной монстр раскрыл свою смердящую пасть, чтобы растерзать Ерофея, но богатырь, как говорится, был не лыком шит. Он молнией метнулся в сторону и изо всех сил ударил коня по крупу мечом. Это произошло так неожиданно, что конь Морглена заржал и рванул в пропасть. Последнее, что воскликнул басурманин... – Прохор почесал затылок. – Тебе еще рано такие слова знать. Так вот, рухнули они на камни и разбились вдребезги. Одно мокрое место осталось. Вражеской армии пришлось сложить оружие и сдаться. А как иначе? Короля-то у них больше нет. Вот такая история. Про то даже песня сложена.¹

– О как, – сказал мальчуган. – Выходит, Ерофей оказался не таким уж и сильным. Чуть все государство не прос... порил.

– Дело не в силе, а в хитрости. В военном деле важна стратегия, как и в любом другом, уж я-то знаю, поверь мне на слово! Богатырь и врага победил, и ненужных жертв избежал и новые земли получил. Головастый мужик был.

– А расскажи что-нибудь еще! – попросил паренек, устраиваясь рядом с дедом.

– Ох, – вздохнул Прохор и покачал головой. – Помереть спокойно не дашь. Ладно, слушай. Поведаю я тебе несколько историй, по одной на ночь, а что правда, что вымысел, то сам решай...

¹ Сюжет песни группы КняZz «Конь Морглена».

Глава первая²

Председатель села Горянка навис над столом и принялся просматривать бумаги. Не смотря на то, что за окном стоял ясный день, толстяк низко склонился, подвинул поближе масляную лампу и поправил на носу очки. Возраст, зрение испортилось, хоть нанимай читаря, но тогда придется платить ему жалование, а это значит, что самому меньше достанется. А признаться в наступающей слепоте – означает потерять работу. А кто по своей воле откажется от такой должности? Нужно поискать дурака.

Председатель откинулся на спинку стула и потер покрасневшие глаза. В последнее время в предгорьях все встало с ног на голову. Лето выдалось засушливым, и весь урожай зерновых того и гляди погибнет. А сколько трудов стоило взрастить его?! Кругом одни камни да песок. Обозами привозили сюда землю, дай бог здоровье королю, который не пожалел на это золота. Сами жители ни в какую не хотели покидать насиженные места. Еще бы! Горные хребты, уходящие своими пиками в облака, защищали от ветра, да и в случае войны сюда вряд ли какая армия дойдет. Но самое главное – это копи! В горах велись разработки по добыче драгоценных камней, что пользовались спросом.

Скрипнули петли, и в приоткрывшуюся дверь кабинета просунулась чернявая голова. Председатель надвинул на нос очки.

– Какого лешего тебе нужно, Степан?

Тот откашлялся и вошел. Молодец оказался здоровенным, как шкаф, в котором старейшина хранил копии отчетов и грамот, что посылал в столицу. Такой быка сможет свалить одним ударом промеж рогов. Он подтянул портки, поправил рубаху, подпоясанную куском веревки.

– Я это, чего, собственно, пришел-то... Фекла опять жалобную грамоту просит.

– Теперь-то чего стряслось?! – нахмурился председатель.

– Свинья у нее пропала, Титыч. Кстати, это уже третья на этой седмице. Еще одна у бабки Катерины и у молочницы Джульетты. Я так мыслю, надо послать гонца в Броумен, пусть пришлют человека, который разберется, кто ворует наших поросей.

– Ничего лучше придумать не мог? – нахмурился председатель. – Беспокоить государя по пустякам. Что о нас подумают? Давай-ка сначала сами попробуем, а уж если ничего не выйдет, тогда...

Старейшина встал из-за стола и подошел к окну. Вдалеке высились снежные шапки гор. По небу проплывали облака, то и дело закрывая собою солнечный диск. Толстяк потянул воздух и чихнул в ладонь. Сказалась аллергия на пыльцу цветов, что покрывали все предгорье.

– И что делать? – спросил Степан, утерев рукавом рубахи нос.

– Значит так, – Титыч сел на подоконник. – Собери всех свиней в один амбар, какой побольше, а сам останься в ночь караулить.

– А как же бабы потом своих отличат от чужих?!

– Вот ты, вроде, смысленый, а иногда дурак-дураком, – сплюнул в окно старейшина. – Таблички на них повесь, как на коров.

– Точно! – ударил себя по лбу детина. – Ну, я пойду?

– Иди, – махнул рукой толстяк и вздохнул. – Только этого еще не хватало. Урожай сохнет, поросей воруют. Что за напасть?!

Едва неугомонный здоровяк покинул кабинет, Титыч вернулся за стол и принялся опять перебирать бумаги.

Степан с умным видом стал ходить по дворам и забирать всех свиней. Естественно, хозяйки сопротивлялись, но тот говорил, что дело государственной важности и что если они

² По мотивам песни группы **Король и Шут** «Защитник свиней»

хотят, чтобы у них украли поросся, то пусть сами и стерегут. Довод оказывался весомым. Помимо свиненыша добровольному помощнику председателя вручали мешок комбикорма.

– То-то же! – приговаривал Степан и грозил пальцем, после чего отводил скотину в большой амбар, стоящий в дальнем конце села. Строение использовалось для хранения сена и сейчас пустовало, ибо все запасы за зиму под чистую смели коровы, а нового еще не накопили.

Молодец провел в трудах праведных весь день, и под вечер амбар ходил ходуном и издавал оглушающие хрюкающие и визжащие звуки. Шутка ли, почти сотня поросей!

Солнце наполовину закатилось за горные пики, поменяв белоснежный окрас снежных шапок на ярко-розовый. Петухи прокричали отбой и угомонились, как и все жители села. В занавешенных окнах забрезжил свет лампадок, из печных труб повалил сизый дым. Хозяйки грели ужин и воду для купания. На небе стали появляться первые звездочки, а потом из-за гор появилась бледная царица ночи – луна. Тьма окутала село. В тишине слышался только лай собак и трескотня сверчков.

Степан собрал на чердаке амбара скудные остатки сена, соорудил лежак и принялся ждать, наблюдая за звездами через дыру в крыше, положив рядом с собой дрын. Охрана свиней оказалась прескучным занятием. Естественно, сторожа сморил сон уже через полчаса, и он захрапел, пуская слюни. Спустя всего пару мгновений после того, как Степан засопел в две дырки, скрипнули петли воротин. Створы приоткрылись, и чья-то тень метнулась внутрь, затем раздался еле слышный визг, и тут же неизвестный выбрался наружу и исчез в ночи.

Проснувшись с первыми петухами, Степан потянулся и спустился с чердака по лестнице. Солнечные лучи пробивались сквозь щели стен, сколоченных из горбылей. Горе-сторож, на всякий случай, решил пересчитать свиней. Каково же было его удивление, когда обнаружилась пропажа одного поросся. Только и оставалось, что чесать затылок и разводить руками. Повесив голову, Степан поплелся к дому председателя села.

– Ей-богу, не спал я! – оправдывался перед Титом детина, даже на секунду не покраснев. – Всю ночь ходил дозором вокруг амбара. Чтоб мне провалиться, если вру!

Старейшина откинулся на спинку стула, отодвинул на край стола грамоты и сложил руки на груди.

– Ты это хозяйке свиненыша расскажи! Удержу с твоего жалования, ясно?! – Степан насупил и почесал свой рыжий чуб. – Сам вызвался мне служить, тебя никто не тянул силком. Если не изловишь мне вора, поедешь в столицу, под конвоем. Тебя Государь махом пристроит куда следует. Понял?

– Чего тут не понять-то... – вздохнул Степан.

В тюрьму ему не хотелось, а посему, чтобы не уснуть, он решил посетить местную знахарку, дабы выпросить у нее немного настоя, который отгоняет сон. Та жила особняком за холмами, возле подножья гор, ветхой лачуге, что стояла в небольшой хвойной рощице.

Старуха, древняя как сам мир, не жаловала гостей, особенно непрошенных. Она вышла на крыльцо своей избы, которая была построена вокруг соснового ствола, что снизу исходился корнями и больше походил на куриную лапу. Домушка возвышалась над землей на два роста, а потому, чтобы подняться, требовалось взобраться по лестнице, а ее спускала сама хозяйка. Таким образом, она себя хоть как-то огораживала и от гостей и от диких собак.

– Чего тебе надо, окаянный? – старуха нахмурилась, почесала свой крючковатый нос и взъерошила копну сальных, седых волос.

Молодчик глупо улыбнулся.

– Приветствую тебя, Йагга. Я бы не стал беспокоить без нужды, но дело крайней важности.

– Что принес? – первым делом спросила знахарка.

Степан скинул с плеча большую котомку и заглянул внутрь.

– Ну, мед там, свиная рулька да чулки вязанные..

– Не густо, однако лучше чем ничего, – бабка не признавала деньги и не брала их за свои услуги, даже будучи молодой и довольно-таки красивой. На кой ей золото в такой глуши? Где тратить? В город она никогда не выбиралась, а в местном захолустье даже захудалого лабаза нет. Да и не любила она шумные компании. Ей милее белки да сороки, от них вреда меньше, чем от людей. Вообще, знахарка недолюбливала двуногих, разумных существ, злобы и коварства в них много, даже слишком. – Ну залазь, коль пришел.

Старуха поддела ногой веревочную лестницу, что лежала на крыльце, и та с деревянным стуком размоталась, не достав до земли всего несколько пядей. Молодец закинул суму за спину и, кряхтя, стал взбираться.

Изнутри дом знахарки выглядел не многим лучше, чем снаружи, паутина, правда, отсутствовала, но... Тут и там висели тушки мертвых зверьков, пучки трав и связки грибов. На окне лет двадцать не стирания занавеска, а на подоконнике пяток склянок не пойми с чем, но очень вонючим. Воздух затхлый, как бабка тут живет? Не понятно, дышать не чем. Не померла бы, она же одна на ближайšie тысячу верст в снадобьях разбирается. Мебель, как таковая, отсутствовала. Стол, стул, лавка да старинный шкаф с дверцами. Довершал внутреннее убранство черный кот на печи да чучело совы над дверью.

– А чего как темно-то? – спросил Степан, потирая голову, что ушиб о дверной косяк. – Лучину хоть бы зажгла или лампу.

– Масло экономлю, – ответила старуха. – Мне свет ни к чему. Я и так знаю, где у меня что. Не тяни, выкладывай, зачем пожаловал.

Молодец сел на стул и вывалил содержимое котомки на стол. В окно застучали ветки, напугав гостя. Он дернулся от неожиданности и едва не свалился на пол, устланный звериными шкурами.

– Тут такое дело. Мне что-нибудь, чтобы ночью сон не сморил. Я нынче свиней сторожил и заснул, а в это время украли кое-чего. Сегодня опять в дозор, боюсь снова сконфузиться.

Бабка покачала головой, что-то пробухтела и потеряла морщинистые ладони. Затем порылась в шкафчике и протянула Степану крохотный узелок.

– Заваришь крутым кипятком и выпьешь за три часа до захода солнца. Какие новости в государстве. Я тут совсем от жизни отстала.

– Так ить, – развел руками здоровяк. – Король у нас новый.

– А старый куды делся, помер что ли?

– Да нет, – хмыкнул тот. – На Выборном Дне его попросили. Нонешний правитель молодой и дюже справедливый. Простой люд в обиду не дает, поскольку сам из черни вышел. Шут бывший.

– Ты погляди, что деется! – воскликнула знахарка, опускаясь на лавку. И в чем его справедливость?

Степан многозначительно поднял указательный перст и покивал головой.

– Судили как-то в столице мужика одного. Горожанка, которую он, якобы, того, ну сна-сильничал, требование выдвинула: или свадьба или голова с плеч. Палач уже и топор наточил и корзину приготовил. Мужик сразу на колоду бросился и орет, мол, руби и не думай. К слову сказать, баба была дюже страшная и необъятная, как наше королевство. И как он на нее позарился – непонятно. В общем, палач занес свое орудие и уже хотел оттяпать бедолаге его буйную голову, но вмешался наш государь, который не одобрял смертную казнь из-за всяких пустяков. Представляешь, поднимается он на помост и вопрошает, что случилось. Мужик отвечает, дескать, шел ночью вдоль опушки, темно, не видать ни зги. Тут из чепыжей выходит дева красная и предлагает всякое. Ну тот и... Под мухой был, не узрел что к чему, знал бы – мимо прошел. Баба давай выть на всю площадь, мол, не так все происходило: шла лесом, а этот выпрыгнул из кустов, перегнул через упавшую березу, задрал платье, спустил штаны и давай свое гнусное дело делать. На крик несчастной прибежали гвардейцы, что на счастье проходили

мимо, и повязали негодяя. В общем, так причитала, что всем ее жалко стало. Толпа, собравшаяся на площади, начала требовать отрубить насильнику голову, но король наш, да продлятся его дни вечно, по-своему рассудил. Покумекал Прохор Первый и объявил мужика невиновным, а бабе той наказал месяц убираться в хате оклеветанного. Дескать, такая капитальная женщина и не смогла отбиться от такого доходяги? Брехня. Да и бежать с задранной юбкой проще, чем со спущенными штанами. Оказывается, эта краля дюже как замуж хотела, а никто не брал, и она решила таким образом себе мужика занять. Вот такие пироги.

Молодец почесал затылок, а знахарка помотала головой.

– Чудеса да и только. Если заглянет государь в наши края, пушай меня навестит. Хочу на него глянуть. Передашь?

– Обязательно, – ответил Степан, а сам подумал, что больше королю делать нечего, как ехать в этот дурий угол, а тем более общаться со всякими полоумными старухами. Дитина упрятал в карман узелок, что дала ему Йагга, и, попрощавшись, покинул дом и направился в родное село, тем более что приближался вечер, а это значит, что предстояло вновь заступать в дозор и охранять треклятых поросей от неизвестного вора, чтоб ему пусто было! Ступив на твердую землю, он еще раз поблагодарил старуху, что вышла проводить его на крыльцо. Расправив свои лохмотья, знахарка помахала вослед рукой и, дождавшись, когда путник исчез в тени елок да сосен, скрылась внутри своей лачуги.

Густые облака закрыли собой луну и звезды, погрузив селение во мрак ночи. Ветер гнал со стороны гор прохладу. Все жители села давно уже сидели по домам, а некоторые видели уже десятый сон. Но только не Титыч. Перед тем, как отправиться на покой и предаться долгожданному отдыху, староста Горянки решил проведать своего непутевого добровольного помощника и застал сторожа в тот момент, когда тот обходил амбар дозором. Состряпав хмурую мину, Степан озираясь сматривался в стоптанную им же траву, пытаясь разглядеть чьи-то следы. Для этого он опускал масляную лампу, опускался на колени и с умным видом кивал, мол, все понятно, чужаков не видно. За спиной у него висела большая дубина для обороны. Ружье ему не доверяли, боялись, что кого-нибудь отправит к праотцам случайно, или себе что отстрелит.

– Ты чего там нюхаешь, как пес? – спросил Титыч.

Председатель подошел очень тихо, не издав ни звука. Под его сапогом даже ветка не хрустнула, а потому, его появление стало для Степана полной неожиданностью. Он вскочил, попытался достать из-за спины дубину и выронил лампу. Льняное масло растеклось по пожухлой траве и вспыхнуло.

– Итить-колотить! – воскликнул горе-сторож и принялся затапывать огонь. Через несколько мгновений он победил-таки пламя. – Кто тут?! Сейчас в зубы дам!

– Это Титыч, дурья твоя башка! От тебя убытки одни. Чуть весь амбар не спалил вместе со свиньями, – Он вздохнул. – Ну что ты за человек?

– А... – протянул тот. – Это вы... Зачем пугаете? Я ведь мог вас ненароком пришибить.

– Сам не убейся, – кашлянул старик и подошел вплотную к Степану. – Все спокойно?

Здоровяк смотрел на старосту сверху вниз и шмыгал носом.

– А то! Мимо меня и мышь не проскочит, – Титыч хмыкнул. – Вчерашнее не в счет. Я подготовился. Если сегодня вор снова позарится на чужое, я ему ребра пересчитаю. Будет собирать выбитые клыки сломанными руками. Останется ему до конца дней одно – кашку есть да охать.

Старик покачал головой.

– Ну-ну, гроза воров... Ты с огнем только поаккуратнее, а то с бабами не расплатимся. Да и куда столько мяса жареного девать? До столицы не довезем – стухнет, сами не съедим – лопнем.

Степан вновь остался один и продолжил нести дежурство, вслушиваясь в возню внутри амбара. Свиньи хрюкали, повизгивали и пытались сделать подкоп под стеной и выбить доски.

Приходилось бить ногой в стену, отпугивая настырных тварей. Это помогало, но ненадолго. Как только сторож удалялся, свиньи вновь принимались за работу.

Ветер унес облака на запад, очистив небо и дав свободу луне и звездам. Где-то далеко в горах провыл шакал. Степан поежился и от греха подальше спрятался в амбаре. Поднявшись на чердак, он привалился к стене и стал ждать. Снадобье знахарки не подвело – сон как рукой сняло, хотелось что-то делать, лишь бы не сидеть, но с этим здоровяк смог справиться. Чтобы скоротать время он принялся считать звезды на небе через дыру в крыше. Некоторые светила срывались с небосклона и пролетали над амбаром, ярко вспыхнув и махнув на прощание хвостом, как комета. В этот миг Степан судорожно шевелил пальцами, пытаясь успеть загадать желание, но пока его формулировал, звезда уже сторала.

Нежданный гость появился, когда в копилке сторожа находилось девятьсот девяносто девять штук. Сначала кто-то стал скрестись в ворота и шипеть. Горе-сторож насторожился и, на всякий случай, взял в руки дубину. Створы еле слышно скрипнули и внутрь амбара проскользнула серая тень. Осторожно ступая по хлипкой лестнице, стараясь не шуметь, Степан спускался вниз. Некто был так увлечен хищением живности, что пропустил мимо ушей все звуки, кроме поросячьего хрюканья. Похититель уже отловил себе отличный экземпляр и стал засовывать его в припасенный мешок.

– Ага! – сказал здоровяк, появившись из тьмы. Непрошенный гость резко выпрямился и закрыл лицо плащом. – Положь свиненка на место!

И тут незнакомец зашипел и заговорил со странным акцентом, не свойственным для данной местности.

– Стой, кте стоишь, смертный! – Степан замер. Его могучая фигура смотрелась устрашающе в свете лунных лучей, что пробивались сквозь бреши в стенах, но вора она, казалось, ни сколечко не напугала. – Как ты смеешь оттафать приказ мне, фампиру!

– Кому?! – опешил детина и поднял одну бровь.

– Я фампир! Мой род жил много столетий ф горах. Ш-ш-ш! – Он оскалился, показав длинные острые клыки, при виде которых по спине Степана побежали мурашки, размером с рыжего муравья. – Еще отню тфишение, и я путу фынужден напасть на тебя и выпить фсю тфюю кровь! Ш-ш-ш! Фыбирай: или ты, или сфинья.

Вновь в лунном свете сверкнули его клыки, и сторожа передернуло. Выронив дубину, он затрясся от страха и, прислонившись к столбу, сполз на землю.

– Хоть всех забирай! – выпалил Степан и замахал руками. – Изыди, нечистый! Чур меня, чур!

– Прафильный фыбор, – прошипел ночной гость, закинул мешок с поросенком за спину и выскользнул из амбара, оставив горе-сторожа обливаться от страха холодным, липким потом и дышать через раз. Свиньи хором взвизгнули на прощание и вернулись ко сну.

В себя здоровяк пришел только под утро и в голове у него зрел только один вопрос: что с ним сделает старейшина? Второй раз он опростоволосился. Правда, на этот раз особый случай. Не каждую ночь вампиры встречаются. Про них уже несколько столетий никто ничего не слышал, и на тебе. Давным давно кровососов истребили на корню. По всему королевству ходили вооруженные саблями люди и рубили детям ночи головы. Выходить на охоту в одиночку с осиновым колом дураков не находилось. Одолеть упыря в рукопашном бою мало кому удалось. Бывало, найдется герой, захочет перед девицами побравировать, удаль свою молодецкую показать. Пойдет такой в лес нечисть забарывать, а в результате от него только сапоги и оставались. Постепенно ни одного вампира не осталось. Выходит, опять появились.

С первыми петухами Степан пошел с повинной к старосте.

Сначала Титыч с сарказмом посмеялся над рассказом незадачливого сторожа, когда тот опять завел свою дуду про упырей, рыкнул, на третий раз уже ударил по столу кулаком и при-

грозил дать за вранье в зубы. Но когда здоровяк упал на колени и начал клясться – засомневался. Никогда не замечалось в этом увальне актерских способностей. Вдруг правду говорит?

– А ну-ка, дыхни! Небось, сам напоролся, аки хряк, – староста решил на всякий случай проверить не пил ли непутевой часом. Тот дыхнул. – Ладно. Так ты говоришь, вампир. Надо жителей собрать и посоветоваться. Иди, созывай вече.

Вздыхнув, Степан вышел из дома, доковылял к небольшому колоколу, что висел на столбе посреди небольшой вытопной поляне и принялся названивать, дергая за веревку, привязанную к языку. Через несколько минут возле дома старейшины собрались все жители Горянки. Председатель вышел на крыльцо, поднял руки вверх, призывая всех к тишине, и стал держать речь.

– Селяне, – начал он. Старики и старухи на миг прекратили сплевывать шелуху семечек. – Уж не знаю, как и начать...

– Не томи, старый, али стряслось чаво? – спросила беззубая бабка в валенках и потрепанном сарафане. Титыч кивнул. – Не уж-то опять ханцуз напал?!

– Хуже! – выдохнул староста.

– Чего уж хуже?! – округлил глаза сосед председателя, что жил в ветхой лачуге справа.

Жители зашушукались и стали переглядываться. Степан переминался с ноги на ногу, стоя за спиной Титыча, считая птиц, парящих высоко в голубом небе среди облаков. Староста почесал затылок, обдумывая, как бы помягче сказать о том, что произошло.

– Поднимите руки те, у кого свиньи хоронятся в амбаре на краю села, – естественно, что руки подняли все селяне. Толстяк с умным видом оглядел собравшихся и продолжил. – Агафья, ты-то чего руку подняла? Фекла, и ты туда же? У тебя же последнего увели надясь.

Старухи, стоявшие под ручку, аж подавились семечками. Они протиснулись сквозь толпу, расталкивая люд локтями, и, подбоченившись, встали около крыльца.

– Ты чего это хочешь сказать, а?! – спросила Агафья.

– Во-во! – поддакнула Фекла.

Титыч развел руками.

– Нету больше у тебя поросся, – бабка ойкнула, схватилась руками за грудь и опустилась на ступеньки, а председатель продолжил свою речь. – Выйди вперед, Степан, и расскажи нам, чему стал свидетелем.

Детина отодвинул старика в сторону, едва не выкинув с крыльца, а жители Горянки настожились и подались вперед, чтобы ничего не пропустить.

– Появился вампир и украл свиней. Я еле жив остался, – сокрушенно поведал здоровяк. – Я бы вступил с ним в бой, но он высокий, в три роста, зубы вот такие. Страх и ужас! Схватил поросят, сунул в мешок и скрылся в ночи, шипя, как нетопырь.

Жители заголосили. Всех шокировало известие о том, что рядом с их селением поселился кровосос. Не было печали, и на тебе! Вместе с настроением селян испортилась и погода. Набежали тучи, затянувшие небо на многие мили и скрывшие от глаз солнечный диск, налетел холодный ветер.

– Что ж я буду без своего поросся делать? Лучше б он тебя схарчил, окаянный, – всхлипывала Агафья. – От тебя одни убытки. Вертай свиненыша взад!

– И моего! – вставила Фекла.

– И наших! – вылезли из толпы баки Катерина и Джульетта.

Тут уже все стали просить назад своих хрюшек, выражая недовольство и высказывая сомнения по поводу компетентности председателя. Бабки, лишившиеся кровно нажитого, потребовали денежную компенсацию и заломили столько, что Титыч чуть на месте не умер. Он даже подумывал вздернуть на ыамбара Степана и повеситься самому, но принял другое решение. Кое-как удалось успокоить шумную толпу.

– Хорошо! Вы можете забрать своих свиней, пес с ними. Но надо что решать с этим вампиром, будь он неладен. Ведь он не прекратит свои вылазки, и еще, чего доброго, прикончит

кого-нибудь из нас. Оно вам надо? – жители загалдели, как голуби на токовище. Каждый предлагал идеи, одна безумнее другой. В конце концов, Титыч призвал всех к тишине и объявил единственно правильное, как он сам считал, решение. – Предлагаю снабдить всем необходимым и отправить на поиски вампира воина бесстрашного, который заборет зло и освободит нас от его ига.

– Дело говоришь, старый! – крикнула одна старуха.

– Толково придумал, – утерла беззубый рот другая.

Но нашлись и те, кто эту идею не одобрил.

– Ага, теперь придется скидываться, чтобы гвардейца из столицы нанять, – дедок, похожий на сушеный мухомор, прищурился. Все селяне тут же встали на его сторону и начали укорять старосту в незапланированных тратах и разбазаривании кровно нажитых.

Титыч поспешил успокоить толпу. Он сошел с крыльца.

– Полно вам! Какие гвардейцы?! У нас свой собственный богатырь, так сказать, имеется, – все замолчали и округлили глаза от удивления. – Что рты раззявили? Не уж-то Степан не совладает с упырем, коли мы его снабдим всем необходимым? Вон он какой здоровый, в дверь еле входит.

Все взоры устремились на детину, что мялся на крыльце.

– И то верно! – заголосила Агафья. – Он нашу скотину профукал, пушай и разбирается.

Степан глупо улыбнулся и почесал затылок.

– Вы серьезно?!

Над Горянской нависли грозовые тучи, затянувшие все небо, на сколько хватало взгляда. Поднялся сильный ветер. Вдали гроыхало, словно там велись военные действия, и сверкала зарница. Горные вершины, покрытые снежными шапками, переливались всеми цветами радуги. В общем, погода та еще, хороший хозяин собаку из дома не выпустит. Окна домов были закрыты ставнями, во избежание какой-либо напасти. Однажды налетевшая гроза повывивала все стекла, и пришлось ехать в столицу в артель стеклодувов, что значительно опустошило сельскую казну. Узнав, что в село повадился вампир, жители расставили вокруг домов капканов и заперлись в своих хибарах. Выходить на работу они тоже отказались по понятным причинам. Кому хочется оказаться на погосте?

Староста сидел за столом, что-то кропал гусиным пером на пергаменте и изредка поглядывал на Степана, который вышагивал по скрипучим половицам и в голос возмущался.

– Почему я?! Мне что, больше всех надо? Да и какой из меня воин? Нужно срочно отправить грамоту государю нашему, пускай он приедет и разберется с невзгодой этой. Он в таких делах мастер. Как с чудовищем в Кромстене разобрался? До сих пор легенды ходят. А? – бугай с надеждой посмотрел на толстяка.

– Да ты боишься! – ударил ладонью по столу староста и откинулся на спинку стула. – Вот ни за что бы не подумал, что такой, как ты, какого-то худосочного упыря испугается!

– Худосочного?! – ответил Степан. – Да он ростом с... С дракона! И да, я побаиваюсь. Сам-то чего тут отсиживаешься?

Титыч отодвинул стул и встал.

– Я не для того в старостах хожу, чтобы – чтобы. Предо мной иные задачи поставлены. Вдруг меня этот живоглот схарчит? Кто тогда за селом следить будет? Без глазу здесь разруха начнется, – толстяк посмотрел в незатворенное ставнями окно. Непогода разгуливалась.

– А меня, значит, не жалко? – спросил детина, убирая в заплечный мешок свежевystруганный осиновый кол, несколько головок чеснока.

Староста повернулся к нему и, пожав плечами, ответил.

– Честно говоря, не очень.

Степан нахмурился и затаил обиду.

«Ладно, – подумал молодец, – я тебе это еще припомню!».

Он закинул мешок за спину и, не попрощавшись, покинул жилище Титыча.

Непогода завернула не на шутку. Над острыми пиками гор клубилась грозовая тьма, извергая сполохи молний и раскаты грома, сотрясая землю. Степан поежился, накинул капюшон на голову и уверенной походкой направился на поиски логова вампира, бормоча под нос проклятия.

Порывы ветра гнули редкие деревца, пытаясь их вырвать и забросить куда подальше. Гроза, казалось, специально не спешила удаляться, поливая дождем одинокого путника, который седьмые сутки блуждал среди скал, обдирая ладони и колени. Когда силы окончательно покинули его, а припасы, взятые в дорогу, закончились, бродяга решил вернуться в село. Ему было абсолютно плевать, что скажет председатель, и что подумают жители. Лучше извергом жить, как Йагга, чем стать пищей гиенам, воющим где-то неподалеку, или орлам, парящим в хмуром небе, свалившись в пропасть со сломанной шеей, наступив на шаткий камень.

Промокший до нитки Степан шмыгнул носом, осмотрелся и, поняв, что окончательно заплутал, сел на валун и обхватил голову руками.

– Останусь я тут навсегда. О, горе мне! Еды нет, тропа затерялась среди скал. Не выбраться вовек. Свиной они пожалели, а меня... – Он затрясся в порыве рыданий и не обратил внимания на падающие в пузырящиеся от дождя лужи мелкие камушки, что летели откуда-то сверху. Лишь когда ему под ноги упал увесистый булыжник, едва не отдавив ногу, детина прервал свои стенания и поднял взгляд, подставив лицо тяжелым каплям.

Прямо над ним имелся небольшой выступ, по которому передвигался некто, закутанный в черный плащ, держащий под мышкой молочного поросенка. Степан прекратил рыдать и окликнул неизвестного.

– А ну стой! – грустные мысли тут же покинули голову молодца. Наконец-то он нашел похитителя свиной. И если не сможет одолеть его в честном бою, в чем он сильно сомневался, то, по крайней мере умрет быстрой смертью, а не мучительной. Степан порылся в мешке, выудил оттуда осиновый кол и потряс им над головой. – Выходи на бой!

Неизвестный надвинул поглубже капюшон и зашипел.

– Идиот! Посмотри на сепя, ты же на ноках еле стоишь! Сам через тень-трукой загнешься. Тафай поступим так: я заберу тебя с сопой, прифеду тебя ф поряток, а потом сразимся. Тогофорились?

– Договорились! – мгновенно согласился детина. Он прикинул, что он сейчас не в том положении. Устал, как ломовая лошадь, идти-то тяжело, какой тут сражаться! Да и замерз, как собака, есть хочется, аж живот сводит, спать охота, аж глаза слипаются. Беда, в общем.

Степан поднялся с валуна, закинул мешок за спину, отшвырнул в сторону осиновый кол, который исчез в бездне, и произнес. – По рукам.

– По рукам, – повторил некто в плаще. – Иди за мной.

Казалось, прошла целая вечность. Серые камни были повсюду: то они вырастали стеной, то проваливались глубоким ущельем, да так неожиданно, что Степан пару раз чуть не ухнул вниз. Спасибо шипящему попутчику, вовремя одергивал и спасал от неминуемой смерти. Дождь только усилился. Сполохи молний бликами плясали на мокрых скалах, а раскаты грома заставляли трястись даже самые массивные горные вершины. Здоровяк практически спал на ходу, поэтому не заметил, как опустилась ночь. Впрочем, за свинцовыми тучами было не разобрать: есть солнце на небе или нет. В конце концов, путники вышли на небольшое плато, а горная гряда, взявшая его в кольцо, оказалась вся изрыта пещерами, в которых мерцали огни костров. Попутчик Степана подал знак остановиться и что-то крикнул. Что именно, здоровяк не разобрал, ибо спал на ходу, но краем глаза заметил какое-то движение. Из пещеры наружу стали выходить какие-то тени. Детина присмотрелся, и его обуял страх: перед ним выросло несколько десятков черных плащей.

– Да их тут немеряно! Вот я попал, е... а... о... – прошептал Степан и с очередным раскатом грома потерял сознание.

Его разбудили утренние лучи солнца, и первое, он что учуял, это ароматный запах мясной похлебки. Не открывая глаз, молодец подумал.

«Приснится же такое! Свиньи, вампиры... Надо в город перебираться, а то в селе окончательно с ума сойду. Наймусь в гвардию, стану генералом и все такое!».

Его размышления прервали голоса, и Степан открыл глаза.

– Да ладно?! – сказал он сам себе, разглядывая мрачную пещеру, которая стала для него приютом. И не только для него. – Так это все взаправду... Эх, а я так надеялся.

Он вскочил, отбежал в сторону и, прижавшись к стене, стал наблюдать за происходящим на плато.

Вокруг костра, что лизал своими красно-желтыми языками тушку поросенка, крутящегося на вертеле, на камнях сидело два десятка вампиров, закутанных в плащи. Они о чем-то перешептывались между собой, но о чем именно Степан не слышал, далековато, да и треск поленьев заглушал звуки. Еще ветер подвывал. Первой мыслью здоровяка было схватить пару осиновых кольев и кинуться на врага, но спесь тут же слетела, едва он пошевелил своим скудным умом: один против стольких упырей не сдюжит. Сбежать? А куда?! Дороги он не помнит. И потом, раз за ночь не схарчили... А, может, он уже сам того, вампиром стал?!

Степан ошупал шею на предмет ранок от укуса, осмотрел запястья, но не обнаружил никаких следов.

– На десерт оставили, небось, гады! Мм... Что же такое придумать, чтобы они мною подавились, чтоб я у них поперек горла встал? Надо срочно змеюку поймать, пусть она меня укусит, и эти живоглоты отравятся. Хотя, они же и так мертвые. Вот ведь... – Он почесал затылок. – А почему, интересно, они свинят воруют, а не людей?

С этой мыслью детина вышел из пещеры, прикрыв глаза от яркого солнца. Сидящие у костра тут же замолчали и накинули капюшоны, скрыв лица. Степан приближался и потягивал носом. От запаха жареного мяса в животе его заурчало. Еще бы, он не ел уже сутки. Дай ему волю, от свиненка только уши и останутся, и то не факт. Порывы ветра развивали черные вихры горе-охотника на нежить. Его приближение не осталось незамеченным. Вампиры повернули капюшоны в его сторону, и один заговорил.

– Таше не тумай нападать на нас. Осинофые колы не причинят нам фрета, это фсе сказки. Нас можно убить только серебряным ножом, но у тепя такого нет.

А откуда ему взяться? Он что, вельможа какой, чтобы есть с золота серебряными приборами? У них в селе только-только от каменного топора отошли, можно сказать. Выходит, у него изначально не было ни единого шанса победить упыря? Вот это поворот! Подложил ему свинью Титыч.

– Вот старый хрыч! – прошипел сквозь зубы Степан.

Детина тяжело вздохнул и остановился в шаге от зловещей компании. Он смахнул набежавшую слезу и стал рассматривать горные пики со снежными шапками на вершинах, что блистали в лучах солнца. Высоко в небе парили орлы, разгоняя своими огромными крыльями перистые облака.

Степан мысленно простился со всей этой красотой, которую раньше даже не замечал, и посмотрел на обладателей черных плащей, чьи лица так и не смог разглядеть.

– Попал ты, парень, как кур в оцип. Страшишься смерти? – спросил один из вампиров.

– А кто же ее не боится?! – шмыгнул носом детина. – Мне всего двадцать весен минуло...

– Так зачем ты сюда поперся, дурак? – вампиры встали со своих мест и стали медленно окружать здоровяка, который, в свою очередь, отметил, что не такие они и огромные, как ему показалось ночью в амбаре. Ниже на голову, а то и на две, да и в плечах некоторые уже чуть ли не втрое. Но в драку ввязываться все равно проку не будет, они же мертвые.

– Чего тебе дома не сиделось, дурень?

Степан вздохнул.

– Так ить... Народ меня отрядил воевать вампира, что свиней наших ворует. Кстати, а почему вы людей не едите, – спросил он, глядя на тушку поросенка, что уже начал подгорать. – Вы же человечинной питаетесь, вроде как...

Нежить переглянулась, и один продолжил.

– Приелись нам люди, понимаешь? Или селяне больше обрадовались, если бы мы кого-нибудь из них каждую ночь утаскивали в свое логово, раздирали на куски и пили кровь? Мы можем это быстро исправить, да, братья и сестры? – вампиры закивали и стали потирать ладони.

Степан сглотнул, а его лоб покрылся испариной.

– Я целиком поддерживаю ваше решение! – он выставил перед собой руки. – Кстати, ваша еда уже горит. И, коли вы не собираетесь меня есть, быть может, угостите кусочком? Хотя бы хвост или уши?

– Может, тебе и выпить налить?

– А есть? – шмыгнул носом Степан, а вампиры вновь переглянулись от такой наглости.

– А с какой стати мы должны тебя кормить? Какая нам с того выгода? – спросил один из нежити. – Что ты нам можешь предложить взамен?

Детина задумался, прокручивая в голове варианты. В село ему возвращаться нельзя. Что он скажет? Что не смог одолеть упырей? Выгонят пинками, в лучшем случае. Соврать, что победил? Так упыри продолжают воровать свиней. Уличат во лжи и, опять таки, выгонят с позором. Вот незадача!

– А можно я у вас останусь? – спросил Степан, посеяв в рядах нежити легкую панику. – Я, честно говоря, сам не очень люблю селян, как и свиней. Они меня считают не умнее поросенка. Отомстить хочу им, что послали меня на верную погибель. А? – Он с надеждой посмотрел на упырей.

– Одну минутку! – сказал обладатель черного плаща. Вампиры сгрудились, оставив Степана глотать слюни, глядя на подгорающего свиненка. Совещание заняло некоторое время. Наконец, решение было принято. – Хорошо, мы разрешим тебе остаться, но с одним условием: ты должен стать одним из нас. Мы проведем специальный ритуал. Больно не будет. Согласен?

Теперь пришла очередь задуматься здоровяку. Покумекав совсем чуть-чуть, он принял решение.

– А, гори оно огнем, согласен!

– Значит, по рукам? – спросил вампир, который, видимо, являлся самым главным.

– По рукам! – ответил Степан и потряс протянутую ладонь. – Но можно сначала поесть?..

Глава вторая

«Любезный Государь Серединных Земель, пишет тебе староста села Горянка, что расположено у подножья Северных гор, Тит сын Тита по прозвищу Короед. Стряслась у нас, надежда-царь, беда. Не стал бы беспокоить наше Величество кабы сам мог управиться, но поскольку ничего противопоставить не получилось, то вынужден просить подмоги у тебя. Не буду ходить вокруг да около и перейду к самой сути проблемы, как она есть. Еще раз заостряю твое внимание на том, что для тебя это может показаться и обыденным, учитывая с какими опасностями приходилось справляться самолично, но у нас, в Горянке, проживают только одни старики со старухами. Все, кто моложе сорока весен, переехали в города, оставив нас на произвол судьбы да на твою, Государь, заботу, а по сему – не дай загинуть верноподанным твоим. Отвернулась от нас удача, и не видим мы, селяне, иного спасения, как обратиться к тебе за помощью. Поначалу не придали мы значения тому, что произошло, а когда спохватились, то было уже поздно. К чему я все это веду... Стали пропадать у нас пороси, но, как позже выяснилось путем сбора всех свиней в один амбар и назначением в караульные Степана-детины, единственного, кто остался в селе из молодых, пропали свиньи не сами. Молодец поведал тайну – повадился в село вампир. Как оказалось, упырь и воровал нашу скотину. Снарядили мы, сообща, Степана выступить супротив нежити, дабы избавить свет от ентого гада раз и навсегда. Но промашка вышла: и Степан сгинул в горах, и пороси пропадать не перестали. Раньше живоглоты только по ночам появлялись, а нонче совсем страх потеряли: стали при свете дня в село захаживать. Только теперь помимо скотины начали и мед воровать, и репу и зерно. Ты уж, Государь, не гневайся, а прилетай к нам на чудо-пупыре да забори нечисть окаяннюю, чтоб в ее жилах кровь свернулась!».

Проخور убрал свиток за спину и поерзал на троне. Бывший начальник стражи, занявший должность Главного и единственного Министра, переминался с ноги на ногу, разглядывая лепнину на потолке. Новоиспеченный Государь почесал затылок и спросил.

– Что вы обо всем этом думаете, любезный? – Он встал с трона, одернул колет и подошел к окну. Проخور предпочитал обычную одежду, в которой шастал по городу. Мантию, будь она неладна, и корону он надевал только на приемы чиновников других государств.

На улицах Броумена текла размеренная жизнь, впрочем, как и всегда. Пекарни исторгали ароматы, заставляющие животы урчать, кузнецы чадили, зазывалы орали во всю глотку, верезжала ребятня, гоняющая по тесным улочкам бездомных собак.

На безупречном голубом небосводе покоился желтый шар.

– Брехня все это, – ответил Министр, поправляя мундир. – Вампиры – это бабкины сказки. Пока не увижу своими глазами – не поверю.

– Вот и я того же мнения, – сказал Проخور, отворачиваясь от окна. – Вот мы и узнаем – правда то, что написано, или нет. Мы с вами, генерал, отправляемся в Горянку. Будьте готовы убыть с рассветом и возьмите несколько гвардейцев, мало ли что. А я, тем временем, оставлю кое-какие распоряжения на время моего отсутствия. Выполняйте.

Генерал ударил каблуками, развернулся и строевым шагом покинул Тронную Залу. Обладатель рыжей шевелюры вздохнул.

– Ну а ты что скажешь, друг мой?

За тронном раздалось шуршание, после чего на свет дневной появился писарь, что скрывался от посторонних глаз в тайной комнате.

– Что-то тут нечисто. Чует мое сердце подвох.

– Вот и я про то. Ты, кстати, тоже собирайся, со мной поедешь.

Фрэд нахмурился.

– А без меня никак?

Прохор показал летописцу кулак.

– Я никому другому не доверю мои подвиги записывать. Тем более что должность обязывает. А пока тебя не будет, твой помощник дела поведет, благо, их не так и много. Пиши мой королевский указ.

Фрэд вздохнул, открыл книгу, выудил из кармана писало, подаренное мастером, и стал выводить на пожелтевших страницах.

«Указ

номер один от второго числа августа
месяца года первого от Выборного дня.

Снарядить отряд, дабы разобраться
с исчезновением скота в селе Горянка,
что расположено у подножья Северных Гор.

Выделить на сие мероприятие десять золотых из казны.

Король Серединных Земель Прохор Первый».

Государь достал собственное писало и поставил в книге подпись.

– И не забудь про письмо, оно на троне лежит, – после чего покинул Тронную Залу и направился повидать супругу.

Толкнув массивные позолоченные створы дверей, ведущие в покои Изольды, Прохор вошел внутрь. Первая дама Королевства сидела на кровати с балдахином и кормила грудью крохотное дитя шести месяцев от роду. Девочка обладала умопомрачительными голубыми глазами и копной золотых волос. Она громко причмокивала, чем несказанно веселила свою мать.

– Дорогая, – Прохор поцеловал супругу и погладил дочь по головке. – Мне необходимо убыть из города. Появилось срочное дело.

Изольда нахмурилась.

– А обязательно, чтобы этим занимался именно ты? Назначь доверенное лицо.

Король сел на резной стул и облокотился на стол, заваленный пеленками, капорами и пинетками.

– Ты же знаешь мое мнение: хочешь, чтобы все было сделано хорошо, сделай сам. Да и потом я скоро плесенью покроюсь от безделья. В конце концов, надо периодически объезжать вверенные мне народом территории, общаться с жителями, может, они чем недовольны. Что мне всю жизнь в замке сидеть? Я так стану на Генриха похож. Растолстею, а потом найдется какой-нибудь ухарь, вроде меня... Тьфу, тьфу, тьфу, – Он трижды сплюнул через левое плечо.

– И сколько тебя не будет? – спросила Изольда, укладывая дочку на кровать. – Ты же не оставишь меня одну надолго?

– Конечно нет, – Прохор обнял супругу, которая устроилась у него на коленях. – Мухой туда и обратно. Я же король, идущий в ногу со временем. У меня лучший в мире изобретатель. На воздушном шаре, думаю, за несколько дней обернемся. Ты даже заскучать не успеешь, клянись своими бубенцами.

Изольда загрустила.

– Прежде, чем покинуть нас, уложи дочку. Да и я прилягу, устала.

Прохор принял из рук жены дитя и принялся медленно покачивать, напевая еле слышно песенку, что услышал в таверне от музыкантов и тут же запомнил. Хорошие песни всегда легко на ум ложатся.

Я жив, покуда я верю в чудо,

но должен буду я умереть.
Мне очень грустно, что в сердце пусто,
все мои чувства забрал медведь.
Моя судьба мне не подвластна,
любовь моя, как смерть, опасна.

Я был медведем, проблем не знал.
Зачем людских кровей я стал?!
Забрали чары души покой.
Возник вопрос: кто я такой?

Мой бедный разум дошел не сразу
до странной мысли: я человек!
Колдун был пьяный, весьма упрямый.
Его не видеть бы мне вовек!
Моя судьба мне не подвластна.
Любовь моя, как смерть, опасна.

Погаснет день, луна проснется,
И снова зверь во мне очнется.
И оборвется тут, словно нить,
Мой дар на двух ногах ходить.³

Когда песня закончилась, Прохор обнаружил, что и его дочка и супруга мирно сопят. Осторожно, чтобы не разбудить, он положил дитя в ясли, что стояли возле ложа Изольды, и на цыпочках покинул покои, прикрыв за собой створы. Постояв немного возле дверей, прислонившись к ним спиной, король улыбнулся и решительным шагом направился к своему другу, изобретателю Даниэлю.

Прохор шел по тесным улочкам Броумена не таясь. Он отказался от ненужных, как ему казалось, поездок на карете. Зачем? Лошадей запряги, карету намой, потом коняг выкупай... Улицы, опять же, освобождать надо, ведь прачки с рассветом вывешивают белье, да и детишки любят играть.

Бывший шут приветливо улыбался горожанам, рубящим шапки, и кланялся в ответ. Не гнушался король и остановиться возле какой-нибудь лавки и перекинуться парой слов с хозяином или хозяйкой.

- Мое почтение, мусье Жак, – салютовал Прохор. – Как торговля? Идет? Поклон супруге.
- Непременно, Ваше Величество! – отвечал толстяк.
- Будьте здоровы, Государь! – кричала полноватая торговка.
- И тебе того же, коль не шутишь, – отвечал Сюзерен.

Жители Броумена обожали своего Правителя и норовили всучить ему, кто что мог: кто только что испеченную сдобу, кто насыпать полные карманы семечек, которые воровать теперь не имелось надобности, кто угостить сладостями. Каждый портной пытался надеть на Сюзерена какую-либо обновку со знаком именно своей лавки, чтобы повысить собственный статус. Мол, смотрите, Король в моем ходит! И Прохору не всегда удавалось отбрехаться, а давить своим положением он не хотел. Добрее надо быть, ведь люди от всего сердца, пусть и присутствует некоторая корысть, но все же. Детвора, завидев Государя, прекращала игры и почтенно кланялась, а тот, в свою очередь, мог забыть о делах и погонять с ними кожаный пузырь и разбить

³ «Медведь».

случайно окно в лавке, а потом долго извиняться перед хозяином. Мог Прохор и в «печника» сыграть с мальчишками постарше или в «халихало» с девчатами. Мог на крышу закарбаться, как заправский циркач, чтобы снять котенка и вручить плачущему бутузу. Не чурался Король черни, везде был своим, за то и любили.

Салютуя жителям города налево и направо, он добрался-таки до логова изобретателя. Тот, по своему обыкновению обнаружился в амбаре, где пытался выбраться из-под упавшего на него шкафа. Не появившись Прохор, Даниэль так и нашел бы свою смерть под грудой шестеренок и прочего хлама. Король сокрушенно покачал головой и, используя в качестве рычага старое коромысло, освободил бедолагу. Мастер, крихтя, как столетний дед, вылез, вздохнул и отряхнулся. Клубы пыли заплясали в солнечных лучах, что пробивались сквозь обрешетку крыши амбара. Покрыть железом у Даниэля руки не доходили. Все свои изобретения, чтобы те не ржавели под дождем, он сокрыл обрезками плотной ткани. И все это кучковалось тут и затрудняло передвижение. Итог – мастера завалило.

– Спасибо тебе, должен буду. Что привело Правителя Серединных Земель в мою скромную обитель? Чем могу быть полезным самому благороднейшему из...

– Хватить распинаться, неугомонный, – оборвал его Прохор. – Ты точно своей смертью не помрешь. Прав был старый генерал, погубят тебя твои изобретения. Вот чтобы ты делал, если бы я не пришел?

Мастер почесал затылок.

– Что-нибудь придумал и собрал из того, что под рукой. Рано меня со счетов списывать. Я так просто не сдамся костлявой. Давай, пройдем в дом. Не пристало короля принимать в сарае. Прошу, Вашество, – Даниэль указал Сюзерену на дверь и сплюнул под ноги.

– Полно, – отмахнулся Прохор, – я на минутку. Готовь свой летучий корабль. Завтра с зарей убывает к Северным горам, село Горянка. Будем я, ты, писарь, генерал и несколько гвардейцев.

– Стряслось чего? – спросил мастер, разглядывая порванные штаны.

– Стряслось, – вздохнул рыжеволосый Правитель. – Вампиры там завелись.

– Да иди ты! – воскликнул изобретатель и запрыгал на одной ноге, уронив на другую только что найденный насыпной утюг. – Брехня!

– Вот и узнаем. Ты, главное, не забудь все подготовить и не убейся тут. Ладно, пойду я, дел еще много. Не провожай.

Прохор попрощался с другом, чтобы встретиться с ним вновь уже с восходом солнца.

Гвардейцы, что даже под угрозой смертной казни отказывались взойти на борт летучего корабля, немного пообвыклись и бочком-бочком пробирались к краю палубы, поближе к леерам. Страх страхом, а любопытство брало свое. Как не крути, а посмотреть на землю с высоты птичьего полета хотелось всем.

Мастер усовершенствовал свой воздушный шар, сменив последний на продолговатый пузырь, больше напоминавший по форме кабачок, а плетеную корзину заменил самой настоящей ладьей, которую он тоже модифицировал, снабдив ее пропеллером и паровым двигателем. Теперь, при желании, можно посадить посудину на воду и продолжить движение вплавь. Если закончатся дрова, то можно перейти на паруса или весла. В общем, простоя не будет, если что. Даниэль хотел собрать еще несколько таких кораблей и даже получил согласие Государя, но не нашлось больше желающих управлять подобной штуковиной, зато от желающих обладать самоходной телегой отбоя не было. Изобретатель даже открыл собственную лавку, где продавал всякие штуки, особым спросом пользовались самокаты о двух колесах, на вроде того, что он предлагал сконструировать Прохору, еще в бытность последнего шутом.

Сейчас Даниэль стоял за штурвалом и с ухмылкой поглядывал на шестерых гвардейцев, что косились вниз, еще боясь подобраться к краю. Печь извергала теплый воздух, наполняющий пузырь, а пар, свистящий в переплетении всевозможных труб, вращал мощные лопасти,

которые гнали корабль вперед. Внизу проплывали поля, леса, реки, мелкие деревушки и села. Жители, завидев летающее чудо, бросали работу, задирали головы вверх и махали руками. Ночь сменяла день и наоборот. Солнце уступало место своей бледной сестре, луне, и ее детям, звездам, чтобы вскоре вновь занять свои законные владения.

Гвардейцы сменяли у топки друг друга. Иногда за лопату брался и сам Государь, который не мог сидеть без дела. Когда впереди замаячили устрашающие горные вершины, стало ясно, что до цели рукой подать, а спустя еще час, летучий корабль приземлился в скошенном поле на окраине села Горянка, жители которого нуждались в помощи самого Короля Серединных Земель. То ли мастер так подгадал, то ли оно само так вышло, но до места назначения добрались под вечер, когда все жители села сидят по домам и не сойдут с ума, завидев летящее нечто.

Отыскать дом старосты не составило труда, ибо жилища государевых служащих, коим тот и являлся, снабжались особым знаком, который высился над крышей строения, флюгер в виде короны с монограммой Короля Прохора Первого. Пройдя по дороге мимо покосившихся изб, сараев и амбаров, где кудахтали куры, мычали коровы и хрюкали поросята, делегация нашла искомое жилище. Окруженный своей воинственной свитой, в составе генерала, гвардейцев и писаря, Государь поднялся по скрипучим ступеням на крыльцо, которое с трудом выдержало вес одетых в броню солдат, и постучал в дверь. Внутри избы раздалась брань. Старая створа распахнулась, едва не перебросив самодержца через перила, благо, тот успел посторониться.

– Какого лешего... – возмутился толстяк, но тут же осекся, увидев гостей. Минуту он пристально разглядывал Прохора, затем перевел взгляд внутрь дома, на стену, где висел портрет Государя. Сходство было налицо, различались только одеяния. Тот, на портрете, в мантии и короне, а этот – одет по-простому. Староста сделал вывод, что его письмо дошло-таки до адресата. Более того, сюзерен почтил своим визитом Горянку. Еще Титыч подумал о том, что негоже держать короля и его свиту на пороге, прикинул, что за неуважение к правителю его уже ждет тюрьма, даже посчитал, что выйти на свободу ему уже не светит, ибо годы не те. Хотел он еще кое-что взвесить, но умозаключения наглым образом прервали.

– Любезный, откашлялся в кулак Прохор, – ты долго будешь нас на пороге держать?

– Прошу простить меня великодушно, Ваше Величество! – согнулся в поклоне толстяк и тут же крякнул и схватился за поясницу.

Король покачал головой и прошел в избу. Свита зашла следом, едва не затоптав хозяина.

– Приветствую, – сказал генерал.

– Здрасьте, – прошептал Фрэд.

Гвардейцы просто угукнули и отдавили старику на ногах все любимые мозоли, едва не выломав дверной косяк, ибо ломанулись всем скопом, как гуси на кормежку. Толстяк даже на мгновение пожалел, что просил помощи, но вздохнул, сплюнул и закрыл за гостями дверь.

Солдаты встали вдоль стенки, писарь уместился на стуле и разложил на столе, рабочем месте старосты, свою толстенную книгу. Сам же король стоял прислонившись к подоконнику, сложив руки на груди.

– Итак, – сказал Прохор, – вещай все по порядку, что у вас тут стряслось.

Титыч замер посреди комнаты, как нашкодивший ребенок, сглотнул, облизал высохшие губы и рассказал Государю все, что сам знал, естественно, добавив кое-что от себя, для пущей убедительности, пытаясь нагнать побольше жути. Но суть не зарыл.

– Кто-то начал воровать наших поросей. Мы послали в дозор Степана-детину, но потерпели неудачу. Не одолел вора наш богатырь, чтоб ему пусто было. Он нам поведал, что свиней наших таскает самый настоящий вампир, что поселился где-то в горах. Ага, значит, – старейшина перевел дух, оттянул ворот рубахи и помахал бортами безрукавки, чтобы согнать подступивший от волнения жар. – Понятно дело, что бабы взвыли, мол, решайте вопрос. Сколько еще супостат будет нарушать хозяйство, а ты, государь, сам знаешь, с бабами лучше не спорить.

И не докажешь ничего, и виноватым останешься. Приняли мы решение послать Степана, ну, того самого, послать воевать упыря треклятого, но... Пропал наш горе-воин с концами. С тех пор его больше и не видели. Но это еще полбеды. Теперь стали пропадать и гуси. Курей кто-то таскает. Мы грешили на чупакабру, но потом стали исчезать кули с зерном и прочая снедь. Пришлось тебе писать. Ты уж не гневайся...

Проخور задумался и потер подбородок, что покрылся еле заметной щетиной.

– Не серчай, старик. Ты все правильно сделал. Разберемся мы с твоей напастью, а виновных накажем по всей строгости закона Серединных Земель.

– Вот спасибо, Ваше Величество! – поклонился толстяк. – Премного благодарен, что не бросили нас на произвол судьбы-злодейки.

– А как иначе?!

Писарь слово в слово занес в книгу рассказ Титыча, отложил перо в сторону и потянулся.

– Чует мое сердце, нечистое это дело, ой нечистое!

Все собравшиеся в доме посмотрели на него и одновременно угукнули, подтверждая, тем самым, его правоту.

Обсудив еще кое-какие проблемы и вопросы, не касающиеся «вампирского заговора», Проخور, генерал и писарь отправились обратно на корабль, чтобы выспаться. Внутри летающего монстра, в трюме, находились вполне приличные комнаты. Путешественникам не приходилось спать на подвесных койках, как обычным морякам. Ведь Даниэль и сам любил комфорт, тем более, что на этом корабле путешествовал сам Король, и его покои должны выглядеть соответствующим образом. Тут даже имелась комната для ведения важных переговоров, на случай, если таковые вдруг наметятся. Остальную часть гигантской утробы занимали складские помещения с дровами и запасом провианта, парусами и запасными частями для механизмов. Естественно, как на любом нормальном корабле имелись и бойницы, с торчащими из них дулами пушек. На этом настоял сам мастер. Дескать, Величество всегда должно находиться под охраной и все такое.

Спустя час после того, как солнце поднялось над горами, Даниэль вновь наполнил гигантский пузырь горячим воздухом, и теперь корабль покачивался в нескольких локтях над землей и ждал, когда снова будет бороздить бескрайние голубые просторы неба. Гвардейцы, оставленные обходить село дозором, вернулись аккуратно к завтраку. Они взобрались на борт по приставной лестнице, выстроились на палубе, под мостиком, где стояли генерал, писарь со своей книгой и пером наготове и Правитель Королевства, чтобы поведать последним о том, что произошло минувшей ночью. Солдаты переглянулись, и один из них заговорил.

– Смею доложить! Как и было велено, мы устроили засады на всех подступах и сидели тише воды, ниже травы. Ветер пробирал до костей, но мы не покинули своих постов. По небу ползла луна, светили звезды. Я даже увидел, как одна из них сорвалась вниз, оставив позади себя след, но не успел желание загадать. Да... Так вот. На одном из охраняемых нами участков началось движение. Как и положено, остальные гвардейцы тут же были оповещены об этом условным сигналом, – и он прокричал филином. – Мы, стараясь не шуметь, собрались возле одного из домов и обнаружили незнакомца, который тайком крался к амбару. Мы притаились и позволили мерзавцу свершить свое гнусное дело. Проходя с добычей, что повизгивала в мешке за спиной, мимо кустов, где нес службу ваш покорный слуга, неизвестный остановился и справил нужду, но я не подал и виду, честное слово. Даже не пикнул, хотя очень хотелось достать саблю и отсечь упырю... Хм... – остальные гвардейцы хихикнули, но тут же заткнулись, ибо рассказчик злобно зыркнул на них. – Мы проследили за ним до подножья горы, дальше не рискнули соваться, ибо местность нам не знакома, да и факела у нас не имелось, а вот у вора на этот случай имелась масляная лампа, которую он спрятал среди камней. Но мы заметили направление, в котором двигался неизвестный, ибо огонь его светильника еще долго маячил во тьме, пока не скрылся. У меня все.

Солдаты облегченно вздохнули и по команде генерала «Вольно!» расслабились, оперевшись на алебарды, сверкающие на солнце.

Прохор и Даниэль переглянулись. Мастер выудил откуда-то карту и попросил показать вероятное местоположение вампирского логова. Гвардеец поднялся на мостик и уверенно ткнул пальцем.

– Вот тут мы следили, а он пошел вверх по склону. Точно здесь, вот крайняя изба, вот тракт поворачивает. А скрылся он через... В общем, я успел два раза про себя спеть про двух воров и монету. Чисто с целью, чтобы определить время, – поспешил оправдаться солдат.

Король и мастер склонились над картой.

– Значит, он скрылся вот за этим хребтом, – хмыкнул Прохор.

– А вот тут, – указал пальцем изобретатель, – небольшое плато. Наверняка и пещеры имеются. Тут раньше велась добыча самоцветных камней. Удобнее места для логова вампиров не сыскать.

Государь с укором посмотрел на друга.

– Ты всерьез думаешь, что это самые что ни на есть заправдашние кровососы?

– Ну, – смутился тот, – пока обратное не доказано, я буду придерживаться этой версии.

– Ну-ну, – Прохор откинул назад свои рыжие вихры. – Итак, други. Давайте, глянем, что за нечисть воду баламутит. Даниэль, поднимай свое изобретение и правь его на плато. Будем заходить со стороны солнца. Всем соблюдать полную тишину.

Мастер раздал гвардейцам команды, и те бросились таскать дрова для печки. Через несколько минут летучий корабль поднялся в небо. Внизу проплыло село, с высыпавшими наружу жителями. Те прикрывали ладонями глаза и тарасились во все стороны. Казалось, что горные пики, того и гляди, проткнут деревянное днище посуды, но Даниэль ловко крутил штурвал, огибая острые, как клыки, валуны. Он нарочно не поднимался высоко, чтобы остаться незаметным для упырей. Один раз мастер зацепил-таки бортом отвесную скалу, и на палубу осыпались мелкие камни, но и только. Деревянная обшивка сдюжила, напугав писаря до полусмерти своим треском. Гвардейцы радовались, как дети, завидев вдали горных козлов, скачущих по скалам. Спокойствие сохранял только Прохор, который орлиным взором смотрел вперед, выискивая добычу...

Закутанные в плащи вампиры сидели посреди плато вокруг кострища и глотали слюны, глядя, как Степан вращает на вертеле несколько куриных тушек, чьи румяные бока лизали языки костра. Рядом бурлила в котле вода, куда детина засыпал кулек крупы и принялся помешивать.

– Смотри, чтобы не пригорело, – прошипел один из упырей, – а то мы всю твою кровь выпьем и бросим гнить под каким-нибудь валуном. Ты хоть и прошел обряд посвящения, но все равно не станешь одним из нас. Никогда. Не забывай этого, смертный!

Остальные вампиры захихикали, а Степан глупо улыбнулся и закинул в котел горсть соли. В животе у него урчало много громче, чем у его нынешних хозяев, которые его гнобили почем зря. Это принеси, то подай. Обращаются с ним, как с рабом. И убежать нельзя. После обряда он подчиняется воле главного кровососа и умрет самой мучительной смертью, если покинет общину. Будет медленно сгорать заживо, и потушить огонь невозможно. Степан в это не особо верил, но и проверять желания не испытывал. Приходилось терпеть все тычки и оскорбления. Сам согласился, силком никто не тянул.

Упыри треклятые! Сели на шею и ножки свесили. Первое время, как и обещали, ходили вместе с ним в село, воровали живность всякую и прочие припасы, а теперь Степан один со всеми делами справляется, и дрова для костров таскает, причем для каждого вампира, а их

тут почти две дюжины. А где дров напасешься, когда кругом одни камни?! Он уже рощицу, где Йагга живет, наполовину вырубил, все заборы в селе разобрал, скоро очередь до собственной избы дойдет. Помрет он от натуги когда-нибудь. Хотя, кровососы намериваются перебраться жить в село, а жителей взять к себе в услужение. Будет полегче. Может, он сам им командиром станет.

Степан мысленно уже переехал в избу Титыча, когда удар камня по лбу вернул его в реальность.

– Крути, не отвлекайся, а то завтрак спалишь. Каша, вон, кажись подгорать начала, лучше мешай, – прошипел один упырь.

Детина вздохнул, прикусил от обиды губу и с тоской проводил взглядом белого орла, парящего в облаках, да так и замер с открытым ртом. Запахло горелым, но чернявый не обращал на это внимание, а продолжал пялиться в небо.

На плато опустилась гигантская тень.

Теперь и вампиры почувяли что-то неладное и задрали головы. Прямо над каменной поляной, сажень в пяти, висел огромный корабль. Создания в плащах медленно поднялись со своих мест и сгруппировались в одну кучу, стараясь спрятаться за широкой спиной Степана, который опрокинул-таки котел в костер и затушил пламя, пожертвовав кашей, но, тем самым, сохранив в относительной целостности курей.

С борта на землю упали шесть толстых канатов, по которым съехали до зубов вооруженные гвардейцы, и заняли позиции, окружив нечисть. Следом за ними спустился Прохор в сопровождении генерала и Даниэля. Писарь отказался покидать воздушное судно, мотивируя это тем, что сверху лучше видна экспозиция, и он, если что будет руководить расстановкой сил. Никто с ним спорить не стал. Король, заложив ладони за ремень штанов, приближался к стае вампиров, пиная мелкие камушки.

– Ну, что, с кем мне держать разговор? – резко спросил он. – Выходи, кто не трус. Чего вам бояться, вы же мертвые, хуже не будет.

В стане упырей началась паника. Естественно, крайним оказался Степан. Его вытолкнули вперед, а один кровосос прошептал.

– Вели им убраться, иначе мы будем вынуждены напасть на них, а потом, в качестве урока, истребим весь мир. Пусть улетают по-хорошему, пока целы.

Но говорить ничего не пришлось, все и так прекрасно слышали слова того, кто скрывался под черным плащом.

Но Степан проявил инициативу, за что и поплатился.

– В самом деле, катитесь, пока я вам зубы не пересчитал и ребра не поломал.

Прохор вздохнул.

– Споем это на твое незнание. Я Король Срединных Земель. Мне поступила жалоба от старосты села Горянка, что расположено у подножья. Ты, видимо, Степан, которого послали воевать врага. Держи рот на замке и уйдешь отсюда своими ногами, а нет, вынесут.

– Да я тебя! – взревел здоровяк, надеясь на поддержку своих неживых хозяев, и попытался схватить своими лапищами Прохора.

Тот не стал дожидаться, пока его скрутят в бараний рог, отскочил в сторону и со всего маху приложил Степана кулаком в челюсть. Несчастный ойкнул и всей тушей упал на камни, подняв клубы пыли.

– Уноси, – в никуда прошептал Государь и покачал головой. – Ну почему никто никогда не слушает?! Еще будут желающие, нет? Тогда продолжаем разговор. Кто у вас главный? Кто самый старый упырь? По закону вам последнее слово полагается. Есть желающий?

Вампиры молчали, словно воды в рот набрали. Наконец, один из них шагнул вперед и зашипел, пытаясь навести на непрощенных гостей ужас.

– Трепещите, смертные! Тысячи лет мы ходим по земле, сторонясь солнца, но со временем наши тела поприфыкли к лучам небесного светила. Да-да! Мы стали сильнее и финошлифее! Жалкие людишки! Обычно мы не пьем кровь у всех подряд, выбираем жертву тщательно, по мясистее, да чтобы кровушка была сладкой, но в нашем случае стелем исключение. Не тумайте, мы на вас не злимся. Как можно злиться на еду... Сейчас перекусим фами и отправимся спать в свои гробы. Я слышу, как трясутся фаши поджилки от страха! Хотя... Мы дадим фам шанс. Бегите, глупцы. Бегите и останетесь жифыми, а нет, пеняйте на себя!⁴

– Может, облить их смолой и поджечь? – подал сверху голос Фрэд, и кровососы посмотрели на него.

– Нет, – сказал Даниэль, привлекая внимание к себе. – Я припас осиновых жердей. Посадим их, как этих курей, – Он кивнул в сторону кострища.

Нежить теснилась все сильнее. Прозвучал даже чей-то тоненький писк и шепот, заставивший Прохора еле заметно улыбнуться.

– Будь по-вашему, но при одном условии. Говорят, что вампиры сгорают, когда на них попадают солнечные лучи. Сделаем так: мы снимем с них плащи, и тех, кто не сгорит, посадим на колья, обольем смолой и сожжем. Ну как?

– Мне нравится, – согласился мастер.

– Мне тоже по душе, – крикнул писарь.

– Вот и ладушки, – сказал Прохор и дал команду гвардейцам. – Срывайте, братцы, с них одеяния!

Хватит им ужас на жителей предгорья наводить. Почудили, и будет. Домой пора отправляться, на тот свет, или где вы там обитаете.

Пришедший в себя Степан, охнул, сел, подобрав ноги под себя, и стал потирать ушибленную щеку. То, что произошло потом, немало его удивило, как, впрочем, и других зрителей. Из толпы жавшихся друг к другу упырей выскочил самый худосочный и, стянув с головы капюшон, тряхнул спутанной, засаленной шевелюрой и заголосил писклявым, женским голосом.

– Да ну вас всех к лешему! Лучше в тюрьму, но живой, чем на костер.

Вслед за темноволосой пожилой женщиной и остальные упыри скинули капюшоны, обнажив головы и показав свои истинные лица. Гвардейцы охнули, а Фрэд от удивления чуть не упал с корабля.

– Вот это да! – воскликнул мастер и почесал затылок.

Прохор покачал головой.

– Я знал, что никакие вы не вампиры, а простые проходимцы, запугивающие простых людей. Но, как оказалось, не такие уж и простые. Я ожидал увидеть тут кого угодно, но только не вас. Далеко забрели. Надо отдать вам должное, придумали хорошо. Вот только план сработал бы, если бы староста письмо мне не написал. Меня на кривой не обскачешь, я сразу понял, что дело нечисто. Чья это была идея? Ну, не стесняйтесь, наказание ждет абсолютно всех, несмотря на степень участия. Я справедлив, но не жесток. Хотя, я сам догадаюсь. Ты, – Прохор указал на седовласого старика. – Я прав, Тихуан Евсеич? У Генриха мозгов бы не хватило. Сбылась твоя мечта, ты стал главным, да?

Почти вся изгнанная шутом дворцовая знать, под предводительством бывшего министра, потупила взоры. Предводитель «упырей» молчал, как рыба.

– Мы же не повезем их в Броумен? – с надеждой спросил Даниэль. – Слишком вес большой, не выдержит пузырь. Может, здесь предадим справедливому суду? Можно камнями закидать, к примеру...

⁴ Автор отсылает читателя к песне группы Король и Шут «Исповедь вампира».

Женщины, услышав эти слова, потеряли сознание, а мужчины побледнели еще больше и на самом деле стали похожи на мертвецов. Прохор задумался и почесал подбородок, якобы обдумывая предложение изобретателя.

– А где же остальные? – вдруг спросил он. – Я смотрю, здесь одни старики остались. Или вы их схарчили, горе-вампиры?

Тихуан Евсееич, наконец, открыл рот.

– Кто помоложе, разбрелись по городам и деревням, подались в услужение. Фрейлины в посудомойки пошли и в домработницы, франты в подмастерья...

– А вы что, руки замарать испугались? Конечно, простой люд обирать оно, конечно, привычнее, да? Это не в пещере кайлом махать. Вот что, упыри мои дорогие. Камнями мы вас забрасывать не будем, хотя с кровососами так и поступают, предварительно хорошенько наspiговав осиновыми кольями. Мы пойдем другим путем: мерой наказания избираю вам пожизненные работы на благо жителей Горянки. Будете им поля пахать, там земля с камнем вперемежку, дрова заготавливать и заборы починять, которые вы разобрали. Научитесь за скотиной ухаживать. Или все-таки на костер?

– Мы согласны, – ответил за всех Тихуан.

– И даже думать не будете? – спросил Прохор.

– Ты издеваешься?! – вспыхнул бывший генерал и дернулся было вперед, но его остановил генерал действующий, уперев в грудь острие своей сабли.

– Ты с Королем говоришь, чернь! Держи себя в руках, не то голову потеряешь. Я тебя мигом к праотцам отправлю, таракан усатый. И тебя и любого другого, кто непочтительно отнесется к Государю. Свяжите их, – скомандовал он гвардейцам, и те поспешили выполнить приказ. Затем генерал обратился к Сюзерену. – А с этим как быть? – и кивнул в сторону ничего непонимающего Степана.

– Этого не надо. Заморочили ему голову, супостаты. Он парень хороший, будет здесь представителем гвардии, лицом официальным, государственным. Справишься? – Прохор посмотрел на охающего здоровяка.

Тот кое-как поднялся на ноги, отряхнулся от пыли и, поклонившись, произнес.

– Ты уж не гневайся на меня, Государь, что супротив тебя руку поднял. Под чарами вампирскими я был. Хм... Ты не переживай, я им теперь спуска не дам. До седьмого пота работать будут.

– Вот и ладушки, – Прохор похлопал детину по плечу. – А теперь пора в село. Покажем старосте этих упырей, заодно распределим рабочую силу по дворам. Ты, Степан, веди их через хребет, гвардейцы тебе в охранение, а мы по небу, – Он подал знак, и сверху спустилась веревочная лестница.

Пока сопровождение Государя готовилось к отправке в обратный путь, Прохор поведал всю историю старейшине.

– Вот такие дела, любезный, – король откинулся на спинку стула. – Степан будет за ними присматривать, а вы, если что, отправляйте письмо. Хотя, думаю, больше они не рискнут сподобиться на подобную авантюру. Вампиры, чтоб их...

Титыч покачал головой.

– Да уж... Но ты-то, здоровый лоб, – Он посмотрел на Степана, что мялся возле двери, – как поддался на их уговоры? Тебе что, жилось тут плохо? Ну, нет девок, это да, но среди этих упырей, вроде как, есть одна твоих годков...

– Угу, – залился краской детина.

– Ладно, – толстяк ударил ладонями по столу. – Спасибо тебе, Государь, что оказал нам честь и сам прибыл. Как видишь, тут одни старики живут, некому за нас вступить. Тут еще такое дело, не знаю как и сказать...

– Говори, не томи.

– Налог не сможем тебе уплатить за этот год. Работать некому, сами еле-еле концы с концами сводим. Надеюсь, с помощью ентых упырей наработаем. Лучше бы прииски вновь открыть, там столько самоцветов в свое время добывали. Прежний король похерил все.

– Решим этот вопрос, а про налог не переживай. Сойдемся на пятидесяти золотых в год, хватит вам? Вы Королевству ничего не должны, а вот оно вам... И как вы в такой глуши живете, ума не приложу. А добычу камней возобновим, не сомневайся.

Титыч совсем дар речи потерял. И что с такими деньжищами делать-то? Хотя, можно зерна купить, избы подлатать, скотину поправить, которую упыри поганые схарчили. Ай да Государь! Честь ему и хвала.

Прохор попрощался с председателем, который буквально прирос к стулу, и вышел на крыльцо, глядя, как жители Горянки выбирают себе работников из числа плененных извергов.

– Король, – кашлянул в кулак Степан. – Я не обучен правильному обращению, поэтому не серчай. Чуть не забыл. У нас тут недалеко старуха живет, Йагга кличут, знахарка. Я ей про тебя рассказывал, и она джоже захотела повидаться. Понимаю, что тебе не до древних бабок, но зато моя совесть чиста. Она просил передать, я передал.

Прохор усмехнулся.

– Ну, отчего ж. Она тоже человек. Говори, куда идти, я не гордый. Старость уважать надо, может, у нее тоже какая проблема.

Тем временем жители села разобрали живой товар, оставив один единственный невостребованный экземпляр. Им оказался бывший Судья. Никому не оказался нужным старик, который еле ноги переставляет. Государь велел Степану пока присмотреть за ним, а сам отправился по указанному маршруту, дабы навестить знахарку.

Солнце клонилось к закату, где-то далеко в горах завывали волки. Генерал настаивал, чтобы Правитель Серединных Земель взял в охранение хотя бы двух гвардейцев, но тот наотрез отказался и велел всем отдыхать. Дом Йагги обнаружить оказалось делом легким, ведь от рощицы, в которой она когда-то жила, остались одни пеньки, и ее изба торчала как прыщ на носу, за версту видать. Забравшись по приставной лестнице на крыльцо, Прохор постучался и получив приглашение, вошел.

Глаза не сразу привыкли к полумраку, царящему внутри избы, да и незнакомые запахи тут же стали щекотать нос, заставив неожиданного гостя чихнуть.

– Будь здоров, путник. Какая нелегкая тебя занесла в мою обитель? – спросила старуха, появившаяся из тени. – Отойди к окну, а то я плохо вижу.

Прохор подчинился и сел на шаткий стул.

– Степан сказал, что ты хотела меня видеть, вот я пришел.

– Король? Да иди ты! – всплеснула руками Йагга и села на соседний стул. Теперь их разделял стол, на котором урчал черный кот. – Знаешь, зачем звала?

– Я не провидец, – улыбнулся обладатель рыжей копны волос. – Чем могу помочь тебе, мать?

– Нашел мать, – обнажила та беззубый рот. – Я тебе в прабабки гожусь, милоч. Прощения хочю просить.

Государь удивился и погладил кота, который тут же выгнулся и выпустил свои острые коготки.

– За что? Ты же ничего дурного не совершила.

– А ты не говори, чего не знаешь, выслушай сначала, а потом судить будешь. Много лет назад меня сюда сослали, а теперь я хочу вернуться в Кромстен, чтобы помереть дома, так сказать. А кто мне прощение даст, как не ты?

Прохор смутился.

– Что же ты такого наделала, что тебя в такую глушь упрятали? Убила кого?

– Наверде того, – тяжело вздохнула старуха. – Расскажу я тебе свою историю, но ты не перебивай, а то собьюсь и забуду.

– Я весь во внимании. Начинай...

Глава третья⁵

Зал суда был набит народом под завязку, яблоку негде упасть, как говорится. Все сидячие места занимали торговцы побогаче, а те, кто победнее, толпились вдоль стен. С утра провели уже десять процессов, дважды делали перерыв. От обеда решили отказаться, ибо предстояло рассмотреть еще около двадцати жалоб, поэтому все причастные к ним не расходились, а наоборот, пытались втиснуться в зал. А как иначе? Не докричатся тебя, пропустишь свой процесс, и все, жди другого дня, занимай очередь, опять плати пошлину. Табачный дым клубился под потолком, не спасали даже открытые настежь окна.

Судья, мужчина, только-только получивший эту должность, глотнул из кружки, посмотрел на своих помощников, и постучал молотком о подставку, призывая собравшихся к тишине. Жители и гости Кромстена замолчали. Кто-то пришел сюда в качестве свидетеля защиты или обвинения, а кто-то просто решил скоротать тут время, тем не менее, все обратили свои взгляды на судью и его помощников. Вершитель судеб встал, поправил мантию и белоснежный парик и начал очередной процесс.

– Слушается дело номер три тысячи семьдесят два: горбун Иоганн, сын мясника, против Йагги, вдовы почившего год назад торговца ядами. Участников слушания прошу занять свои места, – распахнулись створы боковой двери, и в Зал суда вошла пышногрудая брюнетка, лет тридцати на вид, в зеленом бархатном платье с огромным декольте. Две молочные полусферы тут же приковали к себе взгляды всех мужчин. Судья даже промокнул лоб платком. Севшую на лавку вдову сопровождали двое гвардейцев в полном обмундировании. Естественно, они пялились туда же, куда и все. С противоположной стороны зала расположился еле заметный, мерзкого вида тип, больше напоминавший леприкона из древних легенд, в таком же потрепанном сюртуке, таких же дурацких туфлях и старинной шляпе, словно он только что сбежал с представления какого-нибудь балагана или с шоу уродцев. Судья с трудом оторвал взгляд от груди обвиняемой и продолжил. – Слово предоставляется истцу, горбуну Иоганну.

Маленький человечек соскользнул с лавки, и судебный пристав посадил его на специальный высокий стул. Злобный карл пробухтел под нос проклятия, поправил на носу пенсне и произнес.

– Господин Судья, почтеннейшая публика, я обвиняю эту даму, – Он указал пальцем на вдову, – в покушение на убийство!

Йагга залилась краской и вспыхнула.

– Какая глупость! – но ее оборвал судья.

– Обвиняемая, вам дадут слово. Ведите себя спокойно или я наложу на вас штраф за неуважение к суду.

– Прошу прощения, ваша честь, – вдова прикусила губу и посмотрела на карла так, что того аж передернуло.

– Продолжайте, Иоганн, – сказал судья, поправив парик.

Маленький человечек поерзал на стуле и стал вещать, как заправский рассказчик.

– Случилось все полгода назад. Вечерело. Вышел я на прогулку, лекарем мне прописано. Так вот, оделся потеплее, чтобы не простыть. Я как раз удачно в лавке пальто новое приобрел со скидкой. Лужи морозом сковало, но ледок еще тонкий совсем стоял. Брел я, значит, по улице, лампы все ветром потушило, только луна и светила. Начал подмерзать, пора домой, думаю. Натянул шапку, воротник поднял. Тут мимо повозка пронеслась, лошади меня чуть не затоптали. Я в сторону отпрыгнул. Еще миг, и раскатало бы меня по мостовой. Ветер усилился, и пришлось прибавить шагу. Теперь не рисковал идти посреди улицы, жался к домам.

⁵ По мотивам песни группы **Король и Шут** «Вдова и горбун»

Иду себе, никого не трогаю. Дом мой почти на краю города, а в Кромстене кого только не встретишь, полно сброду всякого. И вот улица осталась позади, дальше пошли одинокие дома, ну, вы знаете. Так вот, прохожу мимо дома покойного ядодела и вдруг слышу, зовет кто-то. Я, естественно, остановился и прислушался. Постояв чуток, убедился – в сарае, что прилегал к дому, какое-то движение и голос слышится. А кто, думаю, может там быть? Хозяин на погосте, только супруга евоная. Подошел ближе, почти к самым воротам. Звук из амбара усилился. Теперь я отчетливо услышал голос вдовы.

«Помогите...».

Я осмотрелся и скинул пальто, несмотря на мороз. Я, как мужчина, – в зале прозвучали смешки, но горбуна это не смутило, и он продолжил рассказ с самым серьезным видом. – Так вот, я, как мужчина, решил помочь даме. Сами понимаете, в пальто не особо удобно, движения стесняет. Я хоть и маленький, но силы во мне, что в быке, могу телегу перевернуть. Пробираюсь я в сарай, а там темень, хоть глаз коли. Слышу зовет вдова.

«Я здесь».

Делать нечего, пошел на голос. И что вы думаете? Эта бестия выпрыгнула из ниоткуда с топором в руке, глазища навывкате. Отдавай, говорит, все свои деньги! Я, ваша честь, имел до того события дурную привычку сбережения с собой носить, кошель с золотом и камнями самоцветными, да бумаги ценные под подкладку зашивал. В дом воры залезть могут, а так надежнее, всегда при мне мое богатство. Одежда моя на взрослого не налезет, да и никому в голову на меня напасть не придет, с ребенком путают. С одной стороны хорошо, а с другой – в таверну пускают только с десятого раза.

– Ближе к делу, – зевнул судья, подперев ладонью голову.

– Прошу прощения, ваша честь, отвлекся, – Иоганн приподнял шляпу и протер вспотевшую лысину. – Отдавай, говорит, свои камни, золото и бумаги, не-то пришибу. Я попятился. Тут сарай осветился от яркой вспышки, а мой затылок взорвался дикой болью. Я подумал, что это сообщник этой сумасшедшей. Это потом, когда мне по лбу досталось, я понял, что опять наступил на грабли. После искр я ослеп окончательно, и не знал, куда бежать. Эта бестия метнула топор, и тот угодил мне прямо в спину. Ну, я выскочил на улицу и помчался к гвардейцам, а уж те отправили меня к лекарю. Я шесть месяцев пролежал в койке, даже была вероятность гангрены, но, хвала богам, все обошлось. Вот такая моя история, господин судья.

Слуга Закона повел шеей до хруста позвонков.

– Какого наказания вы просите для обвиняемой?

Горбун зарделся, потупил взгляд и произнес.

– Согласен на мировую, если она выйдет за меня...

Вдова не выдержала и взорвалась, размахивая руками. Хорошо, что рядом стояли гвардейцы, которые усадили женщину на место. Та от злости начала часто и глубоко дышать, так, что ее грудь грозила выпрыгнуть из декольте, чего многие ждали. Горбун с надеждой смотрел на судью, а тот в сторону обвиняемой.

– Давайте, – слуга Закона оттянул ворот и сглотнул, – давайте выслушаем другую сторону. Госпожа Йагга, вам есть, что сказать в свою защиту?

Женщина хмыкнула, тряхнула копной своих волос и проплыла в центр зала.

– Мне есть, что сказать, ваша честь, – она демонстративно поправила грудь, и весь зал ахнул. – Уважаемый жители и гости Кромстена, кого вы слушаете? Этого маленького и ничемного карла? Он просто оговаривает меня в надежде, что бедную и несчастную вдову принудят стать его женой! Посмотрите, неужели вы и вправду хотите, чтобы я досталась этому... этому... этому...

Она стала задыхаться и даже сделала попытку упасть в обморок и оперлась на судебного пристава, оттягивая тугой корсет.

– Если вам плохо, мы отложим заседание, – облизнулся судья.

– Нет, нет, ваша честь, – вдова заправила за ухо прядь волос. – Я продолжу, все должны узнать правду. Дело было так. Еще до того, как моего благоверного и горячо любимого супруга прибрала сыра земля, я стала замечать, что данный субъект стал проявлять ко мне неподдельный интерес, граничащий с навязчивостью. Куда бы я ни шла, везде чувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Даже к лекарю ходила, тот предположил странную болезнь – маниус преследовус. Но со временем я стала замечать, что везде, где бы ни появилась, мне встречается мерзкого вида создание. Препротивнейший тип, знаете ли. Дальше – больше. Он перестал прятаться и начал открыто ходить за мной по пятам. Сперва я не придавала этому значения, мне даже казалось это забавным, а потом... Потом мой муж скончался, и этот негодяй стал позволять себе всякие вольности, подкрадывался и старался ущипнуть, а после и вовсе обнаглел, хватал за всякое, до чего мог дотянуться, якобы случайно, но я понимала, что специально. Я делала ему замечания, угрожала пожаловаться начальнику гвардейцев, просила, чтобы отстал от меня и перестал следить. Он, вроде бы, отстал, но около моей двери стали появляться цветы. Каждый вечер. Страх не было. Ну что, думала я, мне может сделать этот недомерок, которого из-за кустов еле видать? Однако я его недооценила. Как-то в самом начале зимы, одним поздним вечером я шла домой со спектакля, что давал заезжий балаган. Как назло, возле театра не осталось ни одного экипажа, и пришлось идти пешком. Мела поземка, и я подняла воротник пальто. Завывал ветер, и я не услышала, что кто-то за мной крадется, а когда сообразила, что к чему, было уже поздно.

Я услышала чье-то натужное дыхание, а в следующий момент меня с силой втолкнули в сарай. Темнота навалилась на меня, лишив возможности что либо разглядеть, ни нападавшего, ни пути к отступлению, ибо дверь тут же захлопнулась. Тот, кто замыслил недоброе, пыхтел, хрюкал, как поросенок, и напирал все сильнее, заталкивая меня все дальше. Я упиралась, как могла, и даже пыталась отбиваться, но мои руки ловили только пустоту. В конце концов, я обо что-то споткнулась и упала, в тот же миг неизвестный навалился на меня и стал хватать меня за всякое, пытаясь сорвать одежду. Пуговицы моего пальто не выдержали и разлетелись в разные стороны. Едва я попыталась закричать и позвать на помощь, как мне рот закрыли мерзкой, шершавой ладонью, затем некто приблизился к моему лицу и прошептал, извергая зловонный запах из своего поганого рта.

«Никто не услышит. Ты будешь моей!».

И тут я поняла, кто пытался овладеть моим телом. Насильником оказался никто иной, как Иоганн, сын мясника. Все знают, что еще будучи мальчишкой, он упал в погреб и едва не погиб, сломав хребет. С тех пор он сам перестал расти, в отличие от горба на его спине. Мерзкий голос карлика я не спутала бы ни с чьим другим! Этот негодяй уже успел стянуть пальто и с меня и с себя, задрал мне все юбки и уже нацелился, прошу прощения за столь интимную подробность, на мои панталоны. Нужно было что-то делать. Я прекрасно понимала, что не смогу совладать с ним, ибо он оказался на удивление проворным. Никогда бы не подумала, что горбуны обладают такой силой! Желая потянуть время, я сделала вид, что смирилась со своей участью, и сказала, что разденусь сама. Иоганн купился и ослабил хватку, отпустив мои руки. Я молила небеса, чтобы мне на помощь пришли хотя бы крысы, что жили на сеновале, и отъели этому карлу окаянный отросток. Я в панике стала шарить руками по сторонам и, о счастье, нащупала рукоять топора. Моей радости не было предела! Я мысленно поблагодарила всех богов и наугад нанесла удар настолько сильно, насколько могла. В следующий миг меня оглушил вой такой силы, что даже уши заложило, а спустя мгновение, я услышала топот и грохот распахиваемой двери. Мне пришлось выскочить следом, чтобы посмотреть на результат своих трудов, благо горбун не успел меня раздеть, и я не боялась замерзнуть. Иоганн несся по ночной улице с топором, что вонзился прямо ему в горб, и орал, как ошпаренный. Вот такая моя история, господин судья. Я, в свою очередь, обвиняю сына мясника, Иоганна, в попытке надругаться надо мной, и требую для него смертной казни.

Горбун закашлялся и пошел пятнами. В зале повисла тишина. Судья посмотрел на своих помощников.

– Ну, история вдовы мне показалась более правдоподобной, вы не находите? – те покивали в знак согласия.

– Ваша честь, – взвизгнул Иоганн. – Я прошу вызвать моего свидетеля, лекаря Воона, из больницы Благочестивой Марты.

– Да там никого больше не было! – вскочила со своего места вдова, но стражи силой усадили ее обратно. – Или у тебя диссоциативное расстройство идентичности?

Карлик слетел со стула и подбежал к стойке, за которой сидела обвиняемая.

– Ваша честь, прошу оградить меня от этой особы, которая пытается очернить меня в глазах общественности этими непонятными словами! – вдова закатила глаза и покачала головой.

Судья постучал молоточком.

– В самом деле, госпожа Йагга, говорите понятным нам языком или молчите вовсе.

Та склонила голову.

– Прошу прощения. В народе эта болезнь именуется раздвоением личности.

Кто-то в зале хихикнул, а горбун, вернувшись на свое место при помощи судебного пристава, пробубнил.

– Это просто возмутительно. Я требую наложить на нее штрафные санкции за оскорбление. Теперь меня все станут считать ненормальным.

– А с чего вы взяли, что у жителей Кромстена о вас противоположное мнение?! – с усмешкой спросила вдова. – Нечего на зеркало пенять...

Все присутствующие на заседании не смогли сдержать смеха. Судья даже чуть не сломал молоток, пока пытался призвать всех к тишине. Все уже забыли, что на рассмотрение их собственных дел может не хватить времени. Всех интересовал исход именно этого процесса: сможет ли горбун женить на себе пышногрудую красотку, или же та отправит его на виселицу. Тем временем в Зале суда появился тот самый свидетель, которого запрашивал карлик.

– Представьтесь, – попросил судья.

Одетый в поношенное, штопаное пальто мужчина, мял руках старенькую шляпу и шмыгал носом.

– Воон. Джеймс Воон. Работаю лекарем в больнице Благочестивой Марты, Ваша честь.

– Истец призвал вас в качестве свидетеля. Что вы можете сказать по существу данного дела?

Тот почесал небритую щеку, высморкался в платок не первой свежести и стал держать речь.

– Сомневаюсь, что мои слова прояснят ситуацию, однако, как скажите. Тот вечер выдался тяжелым, рук не хватало. Сестры остались работать вместо того, чтобы пойти домой. Поступило много больных: привезли странного вида незнакомца с пробитой головой. Он спешил на празднование Дня рождения Государя, но на подъезде к городу с горной вершины сорвался камень и угодил ему в голову. На его счастье мимо проезжала почтовая повозка. Служащие подобрали несчастного и доставили к нам. Травма оказалась очень серьезной, череп треснул, и мне еле удалось сохранить бедняге жизнь. Он до сих пор находится на полном пансионе. Потом принесли гвардейца, который пострадал на рыцарском турнире. Пришлось даже вызвать кузнеца, чтобы выковать несчастного из помятых доспехов. Мало того, что бедолагу пронзило копьем, так еще лошадь, с которой он пал, изрядно потоптала его копытами.⁶ Еще косаря принесли, что ногу себе отсек, моряка, что сорвался с реи, нескольких пьянчуг из таверны «Золотой дракон», что подрались во хмелю и поломали руки. Всех не упомяну. И тут я услышал визг сестры Терезы, а потом увидел, как с ней случился обморок. И немудрено, я, когда узрел,

⁶ Автор отсылает читателя к песням группы Король и Шут «Камнем по голове» и «Раненый воин».

что так впечатлило девушку, сам чуть не потерял сознание. Представьте: все служащие больницы занимаются перевязками, меняют окровавленные бинты на чистые, пеленают немощных, разливают микстуры, и тут распахиваются двери, и с диким криком в помещение врывается, как позже выяснилось, господин Карел. Сначала-то я подумал, что это ребенок, сами понимаете. Я нисколько не хочу вас обидеть, – обратился лекарь к Иоганну. – Так вот. Господин Карел носился по проходу между койками и размахивал руками, тыча пальцами за спину. Только тогда я увидел, что в его гор... спине торчал топор. Подоспевшие санитары помогли успокоить раненого. К слову сказать, это далось им не очень легко, больной оказался не на шутку сильным. Затем, вколотив пациенту успокоительное, я удалил инородный предмет из его гор... спины и наложил десяток швов. Вот, в принципе, и все, что я могу вам рассказать, Ваша честь.

– Ну, теперь все встало на свои места! – с сарказмом произнесла вдова. – Я таких свидетелей могу с полсотни позвать.

– В самом деле, какой-то ненадежный свидетель, – согласился судья. – Господин Воон, вы что-нибудь знаете о том, кто сотворил это с господином Карелом.

Тот потер свой крючковатый нос.

– Больной сказал, что топором его приласкала вдова покойного ядодела, а за что – не сказал, а, может, и говорил, но того я не помню.

Судья вздохнул.

– Вы свободны, – лекарь поклонился и покинул зал заседаний, помедлив у выхода, задержав взгляд на округлостях вдовы. – Выслушав обе стороны, я выношу решение по данному делу. Обвиняемая слабая, беззащитная женщина, истец, хоть и малого роста, но обладает огромной силой, и при желании мог бы справиться с госпожой Йаггой и овладеть ею. Та, в свою очередь, одевается слишком вызывающе, поэтому ничего удивительного нет в том, что даже этот обиженный небесами человек возжелал ее. Покойник бы встал. Оба получили по заслугам. Обвиняемая впредь будет вести себя приличней, а истец за попытку обесчестить даму уже расплатился. Вдова остается незамужней, а горбун живым.

Судья занес молоток, чтобы поставить точку в этом деле и приступить к следующему, как его остановил вопль недовольного Иоганна.

– Тогда я еще имею что сказать!

– Ну что еще?! – возмутился вершитель судеб.

– Ну что еще?! – удивилась вдова.

– Давай еще! – раздались крики из зала.

Людям стало наплевать на свои собственные дела. Всех интересовал исход данного процесса, тем более, что их собственные проблемы не столь интересны, как эта. Вид злобного карла заставлял вздрагивать, а созерцание соблазнительной красоты возбуждало желание писать хвалебные оды. Такого представления даже в балагане не увидишь. Хотя... Однажды и в театре произошло одно событие, которое потом обсуждалось почти целый год. Прямо посреди спектакля на сцену вышел актер в костюме волка и сказал, что все смерти в селе Холмистое, что произошли месяц назад, его рук, в смысле лап, дело. Потом выскочил пастух и сказал, что может выстрелить себе в голову и выплюнуть пулю. Череп несчастного разлетелся, а зрителей в первом ряду забрызгало кровью. Самоубийцу сменила голая дама, которая просто бегала из одной кулисы в другую и дико верезжала. Закончилось все тем, что появился некто в костюме огромного кролика и поджег здание театра. Началась паника, троих затоптали насмерть. Пожар тушили всем миром, благо море рядом. Люди носились с ведрами, тазами, кувшинами. Как потом выяснилось, это были вовсе не актеры, а сбежавшие пациенты из клиники для душевнобольных, что размещалась на острове, неподалеку от берегов Кромстена. После этого случая представления случались крайне редко и только после тщательной проверки лицедеев и предъявления ими лицензии на право ведения подобных шоу, которая выда-

валась специальной комиссией, что заседала в Броумене. И стоило такое разрешение недешево!⁷

– У вас есть что-то еще по существу? – переспросил судья.

Горбун поерзал на стуле, злобно захихикал и потер ладони.

– А пусть она расскажет, что произошло с ее мужем!

Вдова покраснела, как помидор, и резко встала со своего места, оттолкнув гвардейцев в стороны.

– Что ты хочешь этим сказать, мерзкий коровий шлепок? Намекаешь на то, что это я его отравила? Да каждый житель Кромстена знает, что мой покойный супруг за милую мог учуять любой запах и безошибочно его распознать! Это несчастный случай. И все из-за его дурацкой привычки проверять на себе свои снадобья. Я его предупреждала. С какой стати мне его травить? Из-за сбережений? Так их не так и много. Кто меня будет обеспечивать? Да, я сама неплохо разбираюсь в травах, особенно в тех, что помогают старость отсрочить, но не так хорошо, как мой муженек. Я его любила! – вдова смахнула набежавшую слезу и прикусила губу. – И раз уж вы завели речь о странных смертях, то лично меня удивляет, как это ваш покойный папенька умудрился сам себе голову оттяпать. Простите меня, Ваша честь, но мясник был здоровым, как бык. С ним в таверне никто справиться не мог, он, по слухам, семью одним ударом валил. А вот вы, господин Карел, могли это сделать. Силы у вас вполне бы хватило.

– Ты ничего не докажешь! – рявкнул горбун и до посинения сжал свои маленькие кулачки. – Ты расскажи про своего первого мужа, про то, как ты его в осла превратила. Ваша честь, она ведьма! Мне про это отец поведал.

Все присутствующие ахнули. Судья подался вперед.

– Это серьезное обвинение, вам грозит костер. В лучшем случае усекновение головы. Что вы скажете в свое оправдание, госпожа Йагга?

Вдова побледнела, опустила веки и попыталась восстановить дыхание. Ее грудь вздымалась и грозила выскочить из огромного декольте ее платья. Наконец женщине удалось совладать с эмоциями. Она вновь открыла глаза, поправила прядь волос и гордо вздернула подбородок.

– То-то мне его лицо показалось знакомым! А еще думала, что это он меня сторонится и в глаза не смотрит, – сказала себе под нос вдова и в голос добавила. – Не стану отрицать. Эта история имела место, но она не придавалась огласке, про нее могли знать только двое...

– Так поведайте ее нам всем, – сказал судья, а его помощники вновь приготовились записывать показания. – Что знают двое, знает и свинья, как говорится.

Зал окутала тишина, люди замерли на своих местах, боясь пошевелиться. Даже ветер стих и перестал скрипеть распахнутыми створками окон. Снаружи смолкли все звуки. Казалось, город умер. Госпожа Йагга соединила ладони, переплела пальцы, горько улыбнулась, закрыла глаза и, вздохнув, погрузилась в воспоминания.

– Это случилось лет десять назад, может, чуть больше. Я тогда была еще совсем юной, доверчивой девушкой. Родители мои умерли, когда мне едва исполнилось пятнадцать, и пришлось заботиться о себе самой, благо я многое умела: и стряпать, и шить, и в огороде спину гнуть не гнушалась. Дом наш стоял недалеко от леса, где я собирала грибы, ягоды, травы всякие и носила на ярмарку. Много денег не возьмешь, но хоть что-то. Раз в год сменить платье да обувку хватит, тем более от матери много чего осталось и от отца. Почти все продала, не самой же ходить. Я бы такое никогда не надела, разве что в гроб, тогда уже все равно в чем. Пригород к тому времени еще не успел разрастись, домов сто, не больше, поэтому все друг друга знали. Положил на меня глаз юноша один, сын мясника. Парень видный: высокий, силь-

⁷ Автор отсылает читателя к песне группы Король и Шут «Кукольный театр».

ный, глаз озорной. Всегда здоровался со мной, подмигивал. Случалось, цветочек подарит, а я засмущаюсь, зальюсь краской и спешу в толпе скрыться. Он с отцом жил за стенами города. К нам, кто жил по ту сторону, относились с открытым пренебрежением, и я сначала принимала его внимание за какую-то издевку. Не мог же он, горожанин, всерьез испытывать ко мне чувства. Не принято так, не ровня я ему. Это сейчас богатеи может взять в жены нищенку, ему и слова никто не скажет, а тогда... Помню одна дама, хозяйка посудной лавки, влюбилась в своего работника, соблазнила, и стали они втайне придаваться любовным утехам. А однажды забыли затворить окна и запереть лавку, и все их деяния стали достоянием десятка зрителей, что столпились возле магазина на просмотр. Парню-то что, пожал плечами и всего делов, а бедняжку заклевали, и она наложила на себя руки, утопилась в пруду. Теперь, говорят, там живет ее мятежный дух. Некоторые даже его видали, может, конечно, брешут, сама не видела, но художник знакомый рассказывал.⁸

⁸ Автор отсылает читателя к песне группы Король и Шут «Та, что смотрит из пруда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.